

НАТАЛИ САВРУ

ВЕРХНИЙ ВОЛЧОК

КНИГА II
ВЫКУПЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Натали Лавру

**Верхний Волчок. Книга
II. Выкупленная жизнь**

«Издательские решения»

Лавру Н.

Верхний Волчок. Книга II. Выкупленная жизнь / Н. Лавру —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966587-4

Едва выпутавшись из плена, где чуть не погибла, Диана вновь ищет встречи со своим дядюшкой Филином, чтобы на этот раз без колебаний расправиться с ним. Но планы рушатся вместе с личной жизнью и надеждами на светлое будущее. Кажется, что хуже уже не может быть, и всё же жизнь умеет удивлять. Сможет ли Диана исправить последствия роковых решений? И на что пойдёт ради них?

ISBN 978-5-44-966587-4

© Лавру Н.
© Издательские решения

Верхний Волчок

Книга II. Выкупленная жизнь

Натали Лавру

© Натали Лавру, 2019

ISBN 978-5-4496-6587-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-6588-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Спасение из лап Филина стало для меня поистине знаковым событием. Но возвращение из плена домой вовсе не значило, что можно расслабиться. Ощущение облегчения от благополучного исхода ситуации быстро улетучилось. Меня как будто запрограммировали на исполнение некой задачи: я была не способна анализировать свой заражённый вирусами сценарий жизни. Идея убить Филина захватила всё моё существо. Слишком уж многое изменилось после встречи с ним. Мне казалось, что я вышла на новый уровень, что мне открылись нерушимые истины. Так я видела себя со стороны. Это мне льстило и мешало смотреть здраво.

Было такое чувство, что с момента моего отсутствия в университете прошли годы, учёба, по сравнению с выживанием в стане врага, казалась сущей игрой. Я уже не знала, рождена ли я стать врачом.

«Возможно, смысл всей моей жизни в том, чтобы убить того, кто намерен истребить весь клан? – размышляла я. – Природа сделала меня такой же, как он, не просто так. Или тут что-то ещё? Дорого я заплатила бы за эту информацию».

Я действительно считала, что за успех в уничтожении врага мне придётся платить, и начала делать это уже сейчас.

«Все, кто не поддерживает моего решения, я пушу пыль в глаза. Я буду врать много и бессовестно. Победа останется за мной!» – таково было моё решение.

Из-за пылкого воссоединения с Диланом на первый зачёт я всё-таки опоздала, пришлось сдавать, как пришла, на перемене. После я приветливо поздоровалась с одноклассниками, очень рада была видеть всех без исключения, а особенно Ирму. Мы отошли в сторону: её глаза стали влажными, губы задрожали в улыбке; я поняла, что просто хочу обнять её.

– Ты жива!

– Да. Я очень рада, что мы увиделись с тобой.

– Я тоже. Ну вот... – она зашмыгала носом. – Реву.

Звонок на пару не дал нам наговориться, но мы писали друг другу записки, пока сидели на зачёте.

Как бы там ни было, а несколько дней учёбы я пропустила и отвечала на вопросы неуверенно и сбивчиво. Будь это экзамен, я получила бы «тройку». Расстроенная и пристыженная тем, что не готовилась к зачёту, пока была на «больничном» (пришлось выдумать легенду, что меня подкосил какой-то вирус), я вернулась на место.

После консультации мы с Ирмой разошлись, но договорились встретиться вечером и сходить в кафе.

Разумеется, в вузе мы не затрагивали важных тем, чтобы не натолкнуться ненароком на пару любопытных ушей типа Кости Жукова. Однако на вечер я возлагала довольно серьёзные надежды.

В голове роилось множество важных мыслей, часть из них занимал Захар, мне не терпелось узнать, как его состояние и каков дальнейший прогноз. В больницу я поехала на такси, чтобы сэкономить время.

Захар весь расцвёл, увидев меня.

– Как ты себя чувствуешь? – любопытствовала я.

– Нормально... врачи говорят, что ещё неделя – и меня прооперируют.

– Очень рада. – я улыбнулась хорошей новости. – А я сегодня ходила на учёбу. Еле сдала зачёт, теперь вот маюсь от стыда... Вот как странно чередуется смерть с жизнью.

– Вижу, тебе гораздо лучше?

– Стараюсь не смотреть по сторонам: шея болит, щека тоже немного. В общем, ерунда, с анализами всё в порядке, меня сразу отпустили домой.

– Ты нарочно не сказала тогда про Василича? – набрав воздуха в лёгкие, спросил Захар.

– Был не лучший момент. – я опустила глаза, было неловко говорить об этом. – Ты уж прости. Мне приятно видеть тебя живым, у тебя вся жизнь впереди, и мы постараемся, чтобы она была счастливой!

– У тебя хороший муж... – невпопад сказал он.

– Да, это правда.

– Он находился с тобой в дыму всё время, пока пытались порвать цепи и вытаскивали тебя из завалов. Я боялся, что вы оба там задохнётесь.

– Всё уже в прошлом, Захар. Давай не будем об этом. Смотри, что у меня есть! – я выставила на тумбочку пакет сока, форму с ягодами и бутерброды с мясом и сыром. – Кто бы что ни говорил, а для тебя полезней всего белковая пища.

– Спасибо! – по нему было видно, что я попала в точку. – Тут такого не дают: пресная каша и жиденький суп...

Он с удовольствием всё съел и запил еду соком.

– Ты пришла, и я сразу чувствую, что во мне ещё есть силы. – Захар попытался широко улыбнуться, но тут же вспомнил о том, как выглядят его зубы, и смутился.

– Это добрый знак. Скоро ты сможешь заняться тем, о чём давно мечтал, и ничто не сможет тебе помешать. А пока – выздоравливай!

– Когда ты придёшь теперь?

– Постараюсь завтра, а если не получится, то послезавтра точно приду.

– Можно поцеловать тебя? По-дружески?

Я подставила здоровую щёку, затем чмокнула его сама, и вышла.

Честно говоря, у меня были смутные ощущения насчёт Захара: влюблённость в меня могла здорово подпортить ему дальнейшую жизнь. Я понимала, что амурных Захаровых демонов мне кормить не стоит, но ещё надеялась превратить его отношение ко мне в нежную дружбу.

«Захочет ли он жить, зная, что я никогда не стану его женщиной? Страшно оставлять его без присмотра...» – думала я.

Я сделала звонок матери, голос её был взволнованным, кто-то уже осведомил её о случившемся. Но, узнав, что мне от неё нужно, она сменила тон и отказалась. И мне снова пришлось надавить на неё всей своей силой характера, чтобы она передумала. Я упомянула, что Захар очень добрый и мягкий человек и что он может стать хорошим другом для Светы, тем более, он сейчас как никогда нуждается в заботе. Мать ещё некоторое время отпиралась, придумывала отговорки, но всё же сдалась. Я пообещала приехать на выходные.

Вечером, гуляя на свежем прохладном воздухе в парке, я рассказала Ирме, как всё случилось в Верхнем Волчке. Она задала пару вопросов относительно непонятных ей слов и, потрясённая, уставилась на меня.

– Я бы так... не полу... не смогла...

– Пообещай мне, что всё сказанное сегодня останется между нами.

– Да, я обещаю. Конечно.

– Я должна была, я могла убить Филина, но не сделала этого! – негодовала я. – Дилан велел больше не заводить разговора об этом, сказал, что сам найдёт и убьёт его. Но это я рождена для этого! Только я знаю, как можно убить его и где он сейчас!

Я грезила тем, что отгрызу поганую голову этого монстра и сфотографируюсь с ней, чтобы помнить об этом всю жизнь: «О, это будет самым большим торжеством в моей жизни! Я буду кричать от счастья, когда, наконец, сделаю это!» Десятки раз я представляла, как держу его отгрызенную голову, как все признают мою правоту, мою непобедимость. Мне нужна была лишь небольшая помощь, совсем небольшая...

– Но Дилан прав: ты беременна. Это опасно. – сказала Ирма. Это были слова этикета, то есть те, которые должны прозвучать ради приличия, но никакой силы не имеют.

– Я не успокоюсь, пока не убью Филина. И никто не сможет нормально жить, пока он не сдох! У меня есть это... – я достала из сумки чудом спасённый дневник Ларисы. – Украла у Филина, он держал его у себя на столе, видимо, часто перелистывал. Должно быть, память о невесте до сих пор не даёт ему покоя. Мы можем воспользоваться его слабостью.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе?

– Да. – я решила прямо во всём признаться ей. – Мне нужна виза, деньги и твоё присутствие рядом.

– Я... я не знаю... я постараюсь тебе помочь. Но я должна сообщить об этом наверх.

– Нет! В клане предатель. Возможно, даже не один. Никто больше не должен знать.

– Почему ты так думаешь? – насторожилась Ирма.

– Потому что Филин ещё за несколько дней знал, что за мной придут, поэтому заминировал дом и уехал буквально за полчаса до прибытия отряда из клана. Это не может быть совпадением. У него в охране было два полуволка, и я уверена, что остался кто-то ещё.

– Мне... надо подумать. – сказала Ирма, но Ларисин дневник взяла.

Я выдохнула. Ладно. Пусть думает.

О чём она думала, мне было непонятно, но при завтрашнем разговоре она всё-таки открыла мне некоторые детали (но об этом позже).

Вскоре мы разошлись по домам. Ирма заметно погрузилась, как будто я повесила на неё свою ношу. Я чувствовала, что запустила механизм, который скоро выстрелит.

Дома меня уже ждал Дилан, он снова принял спокойный сосредоточенный вид, сидел и работал.

– Ты задержалась. – недовольным тоном констатировал он.

– После больницы я ходила гулять с Ирмой. Она скоро уедет, время пролетело очень уж быстро... – всё сказанное было правдой, в которой содержался тонкий намёк на то, чтобы съездить в Австрию, в гости к Ирме.

– Когда ребёнок подрастёт, сможешь навестить её.

«Чёрт! Неужели меня так легко раскусить?» – выругалась про себя я.

– До этого ещё дожить надо.

Ответа не последовало, так как Дилан не хотел ругаться со мной, а я как раз была на взводе. Вечером мы занимались делами, каждый своими, после полуночи легли спать.

Я всё ворочалась, давая неприятные ощущения в груди, – похоже, гормональный срыв. Или гораздо проще: мой мозг не мог придумать, как сделать так, чтобы Дилан отпустил меня

за границу. Ему даже не обязательно было знать, что я всерьёз собираюсь убить Филина, и как я планирую это сделать.

- Диана, у тебя всё хорошо? – спросил Дилан.
- Не могу уснуть.
- Выпей пустырника.
- Да не хочу я пустырника!
- Тогда не мешай мне спать.

Я вскочила с дивана и ушла в ванную, дверь заперла на замок. Вот-вот гнев прорвётся наружу... Я умылась, посмотрела на себя в зеркало: первые признаки превращения уже отпечатались на моём лице.

- Чёрт возьми! – громко вырвалось у меня.

Всё произошло стремительно: на какое-то мгновение я отключила сознание, меня переполняла ярость. Зеркало разлетелось вдребезги, мой кулак врезался в край раковины, раковина треснула, от неё отвалился кусок. Я пришла в себя от боли, взвыла, прижалась к холодной ванне.

- Диана, открой дверь!

Ему пришлось повторить несколько раз, прежде чем я встала и повернула ручку замка.

- Ты что делаешь? – строго спросил он.

– Меня бесит! Я не могу сидеть спокойно, пока он жив! – выпалила я и тут же пожалела об этом.

– Я сказал: нет. Иди в постель! – похоже, Дилан не понимал, что его наставления только разжигают моё негодование и выводят из себя.

- Как думаешь, от кого он узнал, что я жива? – блефовала я, всё ещё корчась от боли.

- Если тебе не терпится лечь в могилу, подумай хотя бы о ребёнке!

– Никакого ребёнка не родится, если этот монстр будет жив! Если кто-то из клана узнает, что волки готовят нападение, он успеет подготовиться и снова уйдёт! Чёрт, Дилан, не будь дураком, это не мир, это затишье перед новой войной!

- Спать! – гневно взревел он и указал пальцем в сторону комнаты.

Я поняла, что все мои слова бьются, как горох о стену. Это была моя последняя попытка склонить его на свою сторону. И результат оказался очевиден: Дилан не будет посвящён в подробности нашей поездки в Сорренто. Опять бегство...

«Вот уже почти два года, как я – не просто я, а страх во плоти. – настраивалась на победу я. – Моё тело точно живёт своей жизнью, решая, кого убить, а кого ударить... Я создана для этого, а это значит, что вселенная подкидывает мне сложные задачи не просто так.»

Я верила, что моё решение насчёт Филина – единственно верное. И я, не раздумывая, ударила бы Дилана, чтобы не стоял на моём пути. Ведь жизнь целого клана важнее, чем лишние предосторожности. Да, я была склонна торопиться и попадать в истории (или это истории предпочитали случаться со мной), но я была готова к чему угодно, лишь бы не прятаться.

Однажды я лежала и размышляла о перспективах: мне легко удалось увидеть себя старой, матерой женщиной, вот только от родных остались лишь размытые силуэты. И ещё: у меня были дети, я чувствовала, что где-то рядом Дилан, но лиц было не разглядеть.

Но – главное – все поразительно легко представлялись мне живыми, что я поверила: так и будет. Теперь дальнейшие действия зависели только от решения Ирмы, и я рассчитывала на её помощь.

Возможно, если бы мне показали моё будущее, я отказалась бы от своей затеи и переиграла всё с самого начала, но на такую роскошь рассчитывать не приходилось.

Боль в руке притупилась, но кисть опухла, пошевелить ею удавалось с трудом. Так как раздражение и злость на Дилана ещё владели мной, я не хотела спать, гормоны сверх нормы выбрасывались в кровь.

Травма не давала забыть о себе, стало ясно, что это не просто ушиб.

«Твою мать! Этого только не хватало!» – бубнила себе под нос я, набирая номер скорой помощи на мобильнике.

– Кому ты звонишь?

– В скорую. Я повредила руку.

Он прикрыл глаза, видимо, собирая в кулак всё своё самообладание.

– Я отвезу, одевайся.

Я сбросила звонок, и мы поехали. Дорогой молчали.

Если честно, мне надоели эти больницы, с недавних пор их в моей жизни стало больше, чем хотелось бы. И, стоит заметить, это сказал будущий хирург...

Дежурные врачи были в хорошем расположении духа, шутили, когда осматривали мою кисть:

– Костяшка боксёра! Кого избивала так жестоко? Парня своего?

– Пошла в туалет перед сном, стукнулась об раковину.

– Ну-ну. – ухмыльнулся врач и скомандовал идти за ним на рентген.

Пришлось ждать, пока из рентгенного кабинета выведут какую-то пьяную тётку, которая кричала, что её избил муж, сломал ей рёбра и теперь она умирает. Он тошнотворного запаха я закрыла нос рукавом.

Снимок показал, что у меня разрыв и смещение сухожилий. Придётся наложить гипс, то есть 5 недель ходить однорукой и писать на экзамене левой рукой! Вот так попадание!

Грандиозные планы начали рушиться один за другим. Как оказалось, вселенная и не собиралась мне помогать в охоте на Филина. Это должно было насторожить меня, но я видела перед собой только одну-единственную цель.

Мне предложили вместо традиционного наложить полимерный, то есть пластиковый гипс, – платный, но более лёгкий и удобный. Я согласилась и позвала Дилана, чтобы оплатил услугу. Вид у него был подчёркнуто сердитый, зубы крепко сжаты, движения быстрые, резкие. Нет, не осталось абсолютно никаких шансов на то, что он поймёт меня.

Прошло около трёх часов, врачи еле шевелились, не торопясь послали человека искать пластик для фиксации моей кисти, ванночку для воды и остальные принадлежности. В 4 часа утра мы вышли из отделения измотанные эмоционально и физически. Дилан всё это время ждал меня в коридоре.

В темноте мы чуть не задавили человека. М-да, это был очень длинный и не самый удачный день. Даже стальное самообладание Дилана висело на волоске.

Сон пришёл крепкий, но короткий.

Утром я послушно встала на первую пару, получила зачёт автоматом и уснула прямо на парте.

Пока звонок с пары пробуждал меня, Ирма, покачивая головой, наблюдала за мной.

– Дилан отказался помочь?

Я махнула здоровой рукой, мол, даже говорить о нём не стоит.

– После пар поговорим?

– Да.

– Что случилось? – спросила Ирма, глядя на мой гипс.

– Стукнулась об раковину, очень некстати... Теперь буду учиться писать левой рукой.

– Хорошо, что лекций нет. – подбодрила она.

Зачётная неделя хороша тем, что не нужно много писать, а с зачётами почти ни у кого не возникает проблем. Так что есть время подготовиться к экзаменам.

Но вот пары кончились и мы пошли в парк, по виду Ирмы было заметно, что она несёт мне крайне важное решение.

– Я подумала. Я помогу тебе. Но нужно сделать, чтобы Дилан не... не открыл другим информацию.

– С ним бесполезно говорить.

– Я поговорю. В пятницу он едет в Верхний Волчок на зачистку от ловушек и оставшихся охотников. Ты тоже, а я буду сопровождать тебя.

– О... а что нам там делать?

– Мы останемся в Нижнем Волчке. Найдём кое-что. Соберём информацию.

Я не могла поверить, что она это серьёзно. И откуда ей всё известно? Кстати, какую именно информацию мы будем искать, Ирма так и не сказала – оставила интригу.

Одно было главным для меня: она согласилась. Мы сделали фото и сдали документы на получение шенгенской визы, внесли оплату, – теперь осталось только ждать.

Уже вечерело, когда мы закончили с насущными делами. Погода стояла тёплая, как парное молоко, хотелось погулять ещё.

– Помнишь, ты говорила, что у тебя нет мужа? – поинтересовалась о личном я. – Волки ведь не разводятся...

– Не разводятся... – эхом ответила Ирма.

– Извини, что спросила.

– Ничего. Его застрелили на службе.

– Я думала, у вас в Австрии всё тихо... Он тоже работал агентом?

– Да.

Я решила не продолжать эту тему и начала подбирать более подходящую, но вдруг вспомнила, что забыла навестить Захара. Хлопоты отвлекли меня, я совсем забыла о планах. Бежать в больницу было поздно, а мобильного телефона Захар пока не приобрёл.

Я прекрасно понимала, насколько важно для Захара видеться со мной. Другого смысла жизни у него не было. Мне стало стыдно. Пришлось сослаться на недомогание и попрощаться с Ирмой.

Всё шло не так, как мне хотелось, и настрой тоже был не тот. Я злилась на саму себя. Правая рука ныла и опухла настолько, что стенки пластикового гипса впились в кожу.

За весь день Дилан ни разу не позвонил и не написал, думая, видимо, что тем самым наказывает меня. Однако мою натуру этими педагогическими методами не проймёшь, я способна вывести из себя кого угодно, но всё равно буду гнуть свою линию.

Дома, сказав друг другу «привет», мы, как обычно, занялись каждый своими делами, оба просидели за работой до ночи и по очереди легли спать.

Голова моя разболелась оттого, что очень хотелось спать, но пульсирующая боль в руке не давала о себе забыть. Пару раз за ночь я вставала выпить таблетку и подставляла руку под холодную воду. Под утро нечто похожее на сон сморило меня.

В среду по расписанию стоял только зачёт по физвоспитанию, две консультации к экзаменам и ещё один зачёт. Утром я поднялась по звонку будильника, через силу запихнула в себя пару ложек творога и поняла, что не пойду на учёбу. Температура 38,4 подтвердила правильность моего решения.

– Ты останешься дома? – спросил Дилан.

– Угу.

– Приготовь что-нибудь на обед, я приду. Деньги оставил на трюмо.

«Почему бы тебе самому не сходить в магазин и не приготовить еду?» – подумалось мне. Но я собиралась убить самого опасного на свете монстра, и сдаваться перед каким-то обедом мне не позволяло самомнение.

Я завалилась обратно на диван и прострадала на нём ещё два часа, потом всё-таки заставила себя кое-как собраться и пойти в магазин.

Набрав полную корзину продуктов, я обнаружила, что забыла деньги дома. От негодования я чуть было не потеряла контроль над собой, но сделала глубокий вдох и пошла за деньгами.

Готовка и всё с ней связанное – это те вещи, с которыми я ещё с детства научилась неплохо справляться, но которые не доставляли мне особого удовольствия, поэтому я делала их на автомате.

Жаропонижающие таблетки сбили температуру, голове сразу стало легче. Сварив пюре одной рукой и потушив печёнку со сметаной, я погрузилась в сон, а когда проснулась, первым, что я увидела, было пятно на подушке от собственных слюней, а вторым – Дилана, стоящего надо мной.

– Ты в порядке?

– Угу. Обед на плите, можешь идти есть. – сказала я, переворачивая подушку чистой стороной.

– Я уже поужинал, спасибо.

– Что-то ещё?

Он покачал головой и вышел, снова делая вид, что абсолютно спокоен, как будто в это кто-то поверит. Я сморщила нос. Да, интересно живём...

Меня забавляли и возбуждали его манеры, сдержанность и краткость, хотелось его расшевелить, вызвать реакцию. Он умудрялся держать себя в таких узких рамках, в каких поместится далеко не каждый. Порой я насильно заставляла его выйти из себя, потому что даже гнев лучше мертвенного спокойствия. А гнев близок к страсти.

Я села учить билеты по анатомии. Проясневшая голова вновь обрела способность усваивать информацию, не то последние дни дались мне совсем уж тяжело.

После ужина Дилан работал в комнате за столом, всё время кому-то звонил, а я перебралась на кухню, проговаривала материал вслух, чтобы легче запоминался. Занятие увлекло меня, я не заметила, как стрелки на часах дошли до трёх часов ночи. Ахнув, я быстренько пробежала глазами по конспектам для вчерашнего прогулянного зачёта и залезла в постель.

Во сне мне ранили руку, она онемела, но, несмотря на это, я снова уничтожала противников (на этот раз они были в масках). Потом они взяли меня количеством, связали, притащили к себе в штаб, начали допрос. Им хотелось знать, кто меня послал, а я сказала, что этот человек сидит перед ними, и других нет. Тогда в меня начали стрелять, но пули отскакивали от моего тела и попадали в них. Все умерли, но я так и осталась сидеть связанной на стуле.

Проснулась я со сбитым дыханием. Сплошная ерунда. Я отключила будильник и встала с постели, стараясь не двигать рукой. За завтраком выпила сразу две таблетки ибупрофена.

Физкультуру мне поставили сразу, а второй зачет я сдала после пар. В общем, отставание от одногруппников было преодолено, и это радовало. Деловой четверг.

Так как вчера я снова не вспомнила про Захара и не выполнила обещание, то после пар поспешила к нему.

Я влетела к нему в палату со словами:

– Привет! Захар, умоляю, прости меня, я не сдержала слово...

– Привет. – ответил он грустным голосом, отчего напомнил мне ослика Иа-Иа из старого мультфильма.

– У тебя всё в порядке? Что говорят врачи?

– Всё нормально. – по его виду можно было определить, что он не хочет говорить о том, что его гложет. – Завтра мне собираются сделать операцию. Врач сказал, что дольше ждать нет смысла, гангрена прогрессирует. Наркоз решили сделать местный.

– Это же отлично! В смысле, я про операцию... Ещё один шаг к выздоровлению. Смотри, что я тебе принесла! – я достала из пакета книгу Сергея Лукьяненко «Ночной дозор». – Надеюсь, ты её не читал...

– Нет. Спасибо.

– Посмотри мне в глаза: в чём дело? Ты обиделся, что я не приходила эти два дня?

– Нет, нет... – он сглотнул и опустил глаза.

– Ты ведь не... Послушай, я не брошу тебя в беде. Я сказала, что помогу тебе устроиться в жизни, – значит, так и будет. Не смей даже думать о плохом, понял? У меня на тебя планы, и ты нужен мне живым! Ты ведь мне друг?

– У тебя с рукой что-то? – заметил он.

– А, вообразила себя Джетом Ли.

– Не знаю такого.

– Актёр, мастер по боевым искусствам. В общем, не рассчитала силу, ерунда.

– С кем-то дралась?

– Ага. С зеркалом и раковиной.

– Ты передумала убивать его? – сменил тему он.

– Нет! – с выражением сказала я. – Напротив, это-то как раз и не даёт мне покоя. Но ты ничего не должен об этом знать и спрашивать. Для твоего же блага.

– Ладно. – как-то отстранённо ответил он.

– Пошли прогуляемся?

– Да у меня одежды-то нормальной нет, одно тряпье...

– Вот и купим заодно. Магазин всего в квартале отсюда. Недорогую, чисто на первое время, пока не начал зарабатывать. Отказы не принимаются.

Сначала он отнекивался, затем неохотно встал и начал надевать обувь. Конечно, я понимала, что мне придётся потратить все деньги, накопленные за несколько месяцев получения стипендии, но я очень хотела вернуть Захара к жизни.

Он всё ещё был слаб, мы шли не торопясь, а в магазине он сразу направился в примерочную и сел на пуфик. Я оставила его отдыхать, а сама принялась подбирать ему одежду «на глаз», так как Захар сам не знал, какие размеры носит. Впрочем, мне нравился сам процесс. Жаль, с Диланом редко удавалось весело проводить время. Мне его здорово не хватало, и я держалась в стороне только из-за желания убить Филина. Точнее, меня бесило, что мой муж не поддерживает этого стремления, даже одна мысль об этом портила мне настроение.

Я настолько отвлеклась, что в выбранных джинсах, футболках и свитерах представляла Дилана, а не Захара. Однако, как оказалось, с размером я более-менее угадала.

– Тебе нравится?

– Никогда такое не носил. Непривычно...

– Пошли, подберём тебе кроссовки. Тебе очень идёт новая одежда.

Купленные вещи Захар унёс на себе, старые тряпки я сложила в пакет, мало ли пригодятся. Но и шопинг его не развеселил, он по-прежнему оставался хмурым.

– Ты так и не думал, чем ещё хочешь заняться, кроме строительства?

– Мне не хочется жить. – был ответ.

– Чёрт тебя дери! Не будь ты бабой! – я зарычала, однако не собиралась звереть прямо на улице. – Я убью этого подонка, все будут отомщены, я устрою тебе жизнь, чтобы о тебе забылись, что тебе ещё надо? Сделай милость, перестань стонать! – я перевела дыхание и заставила себя успокоиться. – Извини...

Он бросил на меня полный отчаянья взгляд, взял пакет с тряпьем и пошёл в больницу. Я забежала вперёд и встала перед ним.

– Прости, это нервы.

– Ты права. – выдавил он.

– Если ты сдашься, это будет значить, что он победил. Так что давай без глупостей. Да, и прости меня за грубость. Скоро всё наладится, вот увидишь. Завтра мне прийти?

– Думаю, не стоит.

– Обещай мне, что ничего с собой не сделаешь.

Он помялся, но ответил утвердительно. Я, наконец, ушла. И без того нестабильное настроение опустилось ниже нуля.

Весь вечер пришлось спасаться конспектами лекций и учебниками. Звонила Люда, ругалась, что у меня никак не находится времени, чтобы встретиться. Я обещала, что завтра мы обязательно куда-нибудь сходим. В общем-то, я многое планировала на завтра: досрочно сдать один из экзаменов, узнать в больнице, как прошла операция, и уже потом встретиться с девочками.

Ночью, чтобы не шуметь, я заперлась в ванной и позволила истерике вылиться наружу. Навалилось всё, а подпитки – никакой, силы на исходе. Опустошённая, я вернулась и легла.

– Диана...

– Что?

– Не вздумай делать глупости. – он выдержал паузу, видимо, ждал моего ответа. Такого не последовало, он продолжил. – Я знаю, что ты просила помощи у Ирмы. Ты никуда не поедешь. И постарайся больше не контактировать с ней.

– С чего ты это взял?

– Лишних слов не говори.

– Это бред! Я буду общаться с ней, сколько хочу. Да, и мы собираемся ехать в Нижний Волчок в эти выходные.

– Диана, остановись и услышь меня... – сказал он устало.

– Если встанешь у меня на пути, я смету тебя. Понятно? Спокойной ночи. – ответила я, и собственный голос показался мне каким-то металлическим, словно внутри меня сидел робот.

Я сочла волеизъявления Дилана своеобразной формой ревности. Он чувствовал, что потерял надо мной контроль и что остановить меня, не навредив мне, не сможет.

Но кто ему сказал про наш с Ирмой разговор? Или он следил за мной и узнал, что мы ходили заказывать визу и загранпаспорт? А вдруг в моём телефоне прослушка или маячок? От Дилана можно было ожидать чего угодно. Похоже, я слишком явно выдала свои намерения.

Втайне от мужа я сдала последний по очерёдности экзамен досрочно. Два дня интенсивной зубрёжки дали результат: «отлично». Все зачёты были сданы, допуск к экзаменам получен, один из четырёх экзаменов сдан. Теперь по плану был визит в больницу, а затем – встреча с подругами.

В пятницу, как и планировалось, Захара прооперировали. В целом всё прошло успешно, меня даже пропустили к нему в палату, он спал, и видно, что не своим сном (медсестра сказала, что наркоз все-таки пришлось сделать общий, потому что местный подействовал недостаточно). Нога забинтована по щиколотку: отняли два маленьких пальца и две плюсны. Довольно скромная жертва, с этим можно полноценно жить. Теперь осталось только подождать заживления ран и увезти его в деревню. Я оставила короткую записку, где ещё раз просила прощения за вчерашнюю грубость и обещала исправиться.

Несколько часов с девочками немного оживили меня. Ирмы с нами не было, но она звонила, спрашивала, во сколько мы завтра поедем в деревню.

Анка с Людой всё никак не могли поверить, что я скоро стану мамой, это было для них шоком. После бурного восторга они спросили: а как же моя мечта сделать карьеру врача? Я плохо представляла себе уход за младенцем, поэтому ответила, что продолжу учёбу без ущерба тому и другому.

Наевшись пирожных, мы предались дурачествам, понаделали гору безумных фотографий с кривляньями и гримасничаньем. Мы гоготали на всю улицу и ни на кого не обращали внимания. На целый час я забыла, что я – это я, и что меня ждёт смертоносный марафон на выживание и тщательная подготовка к нему.

Улыбка сползла с моего лица, как только я ступила на порог дома. Атмосфера витала та ещё. В комнате горел свет, Дилан вышел ко мне в прихожую.

– Я отвезу вас завтра в Нижний Волчок.

– Да? Зачем? – поинтересовалась я, уже зная ответ на свой вопрос.

– У меня там свои дела.

– Хорошо. Я позвоню Ирме, скажу, что мы заедем за ней. Как прошёл твой день?

– Нормально. – ответили мне ледяным тоном.

– И всё?

– Да.

Похоже было, что в нём зарождается нечто нехорошее. Он старался не давать мне играть с ним. Я не рассчитывала, что он придумает нечто изобретательное, но начала продумывать варианты действий в разных ситуациях.

Дилан обозначил между нами чёткие границы.

Перед сном мои гормоны снова разбушевались, мне захотелось его ласки. Да, моё внезапное желание выглядело нелепо, и всё же природная дерзость не позволила мне подавить его.

– Перестань, пожалуйста. – отстранил он меня от себя.

– Т-с-с... – я почти легла на него, пытаюсь придвинуться к его лицу ближе. – Я хочу тебя.

Он схватил меня за плечи и чётко так произнёс:

– А я тебя – нет. – каждый звук его слов звенел у меня в голове: настолько доходчиво это было сказано.

Да, я знала, что мой внутренний зверь где-то близко, знала, что, стоит меня хоть немного раззадорить или разозлить, оно случится опять.

Кости моего черепа зашевелились, я уже понимала, что теперь на Дилана смотрит моё второе лицо.

– А теперь? Хочешь? – моя здоровая рука вцепилась в его горло и сжалась.

– Чёрт, Диана, ты невыносима. – он бросил на меня уничижительный взгляд и не отводил его, пока я не отпустила руку.

– Это нервное... – опомнилась, наконец, я.

– Называй свою шизу, как хочешь. – сказал он и отвернулся.

Приснился дурацкий сон о том, что никак не получается уснуть, как будто кто-то постоянно меня тормозил. Эта ночь, как и все за прошедшие две недели, была скупа на сладкий сон. Грядущее изводило меня предчувствиями и различными гадкими мелочами, словно весь мир пытался доказать мою неправоту.

Утро застало меня не в лучшем состоянии, тошнота в горле не позволяла собираться быстро, я ползала, как черепаха. Выехали мы на полчаса позже запланированного.

Ирма села в машину со своей европейской улыбкой, я перелезла с переднего сидения к ней. Дорога предстояла долгая.

– Не была там целую вечность...

– Вечность? – переспросил Дилан.

– Так у вас говорят.

– Да, так говорят, когда не были где-то много лет. Но ты была замечена в Нижнем Волчке всего неделю назад.

– Это было моё задание. Не нужно было говорить.

– Твоё задание кончилось, когда Диана попала в руки Филина. Вопрос в том, что ты делала около входа в деревню охотников?

– Нет! Ты ничего не понимаешь! Я пытаюсь защитить Диану и избавить клан от врага!
– Сообщая ему о времени нашего нападения на деревню? Без тебя Филин был бы уже мёртв!

– Дилан, прекрати, она не осведомитель! – встряла я.

– За сколько он тебя перекупил? – как бы не замечая моей реплики, продолжил Дилан.

– Это неправда! – взволнованно воскликнула Ирма.

– Тогда что правда? То, что ты согласилась увезти Диану в ловушку к Филину, предварительно предупредив его об этом?

– Нет! Я бы никогда так не сделала! Мой муж погиб, когда нашему сыну был год! Я никогда не подвергну Диану опасности!

– А мой сын ещё не родился. Диана никуда не поедет. Филина убьют без её участия. Если я узнаю, что ты помогла ей сбежать, тебя нейтрализует твоя же служба.

– Я тебя поняла.

Разговор вёлся на повышенных тонах, я чувствовала себя костью, за которую грызутся две уличные собаки.

– Дилан, как ты можешь обвинять Ирму в предательстве? – недоумевала я.

– Пусть она тебе расскажет.

Я перевела взгляд на неё. Она тяжело вздохнула, бегая глазами по сторонам, помолчала несколько секунд, подбирая слова, затем ответила.

– Мой муж был дво... двойным агентом, его убили свои.

– Ты знала об этом? – не веря своим ушам, спросила я.

– Да. Но я не предатель! И мой муж был не предатель! Я всегда была против этого, я хочу убить Филина так же, как и ты! Чтобы ни мой, ни твой сын не знали, кто он...

– Не меняй тему. Где доказательства, что ты не крыса Филина? – снова вмешался Дилан.

– Будут. И тогда ты попросишь прощения у меня.

– Обязательно. – огрызнулся он.

Непринуждённо поболтать не получилось. До конца дороги мы молчали, Дилан включил радио.

Когда мы подъехали к моему бывшему дому, на крыльце уже стояла мама.

Все поздоровались, Дилан зашел на чай; пока все сидели за столом, он бросал острые взгляды на Ирму, а она старалась не обращать на них внимания.

– Я слышала, ты приехал на зачистку деревни в Верхнем Волчке? – обратилась мама к Дилану.

– Да. Потом будем отстраивать дома заново.

– Обрыв взорвут?

– Этот вопрос ещё не решён.

– А зачем... – мама осеклась и переформулировала вопрос. – Диана и Ирма поедут с тобой?

– Нет. У них свои дела здесь, у меня – свои.

– Ясно...

Дилан выпил свой чай и уехал.

– Значит, о твоей беременности я узнаю самой последней... – сказала мне мама.

– Отношения у нас с тобой не то чтобы доверительные...

– Я была и остаюсь твоей матерью! – она пустила слезу. – Простите, Ирма...

– Надо было вспомнить об этом, когда ты предала меня! Папа бы ни за что так не поступил!

– Диана, – вмешалась Ирма, – весь клан готов был тебя нейтрализовать, когда они узнали, что у тебя гиперген и что ты отказываешься принимать транквилизатор. Это угроза для всех. Любая мать поступила бы так же...

Я уставилась на них обеих, растерянно ухмыльнулась и вышла прочь. Никто не стал мне мешать. Уйти я могла только в одно место: к папе.

– Привет, папа... Столько новостей...

Здесь я могла, не таясь, выплеснуть все накопившиеся переживания и эмоции, рассказать тайны и планы. Мне слышались папины ответы. На этот раз он сказал, что мне стоит попросить у мамы прощения. Я долго спорила с ним, но он хотел от меня только этого. Мы говорили долго; встала я, когда его голос в моей голове совсем затих. Мне показалось, что папа очень скучает по маме.

«Неужели душа папы где-то живёт? Не могут же все эти его мысли быть просто придуманными мной?» – я верила, что папа наблюдает за всеми нами, я хотела чувствовать, что он меня любит.

Когда я вернулась в дом, на кухне сидела одна мама, чистила клубнику на варенье.

– Где Ирма? – поинтересовалась я.

– Ушла гулять.

– Мама... – начала я. – Прости меня. Я понимаю, почему ты так поступила тогда.

Её руки задрожали, солнечные лучи в окне падали на половину её лица так, что стали чётко видны начинающиеся признаки старения.

– Что ж, конечно, прощаю... – она улыбнулась.

Мы так и остались сидеть по разным концам стола. Ни я, ни она, не знали, о чём говорить.

Скоро вернулась Ирма и избавила нас от неловкого молчания.

– Марина, вы знали невесту Филина?

– Да, знала... Очень странная была девушка. Она была старше меня лет на 9, мы общались не очень часто, только когда Стас приводил её к нам в гости.

– У вас остались её фотографии?

– Нет, откуда? Только если у её сестры. Сестру тоже зовут Марина.

– Интересно... Знаете, где она живет?

– Да. А почему ты спрашиваешь?

– Филин ещё жив. Мы ищем его слабые стороны, нужны вещи... рычаги давления.

– Уверяю тебя, если Филин до сих пор не сгнил в земле, то за это время он стал совершенно другим человеком.

– Диана говорила, что он часто вспоминает Ларису. И винит всех в её смерти.

– Да? Неужели? – маме было противно вспоминать об этом, но она ответила. – Ладно, Марина живёт на окраине деревни, на большом холме. Диана знает, покажет, где это. Дом 5, с зелеными облезлыми стенами, сразу найдёте, он там один такой. Только вряд ли вы чего-то добьётесь от неё, она не любит общаться людьми.

– Спасибо. – Ирма обратилась ко мне. – Идем?

Я кивнула и мы вышли.

– Что ты задумала?

– Увидишь!

Мы шли пешком, наверное, минут сорок. Дом, как и сказала мама, заметили издалека. Уродливый дом, вместо забора какая-то редкая железная решётка и покосившиеся доски вместо кольев. Калитка была сломана, пришлось обойти её там, где так называемый забор лежал на земле. Тут и там бегали и мяукали кошки. Весьма странное обстоятельство, если учитывать, что она полуволок, как и все мы.

На стук долго никто не отвечал, а когда мы уже собрались уходить, за дверью послышалось шарканье.

– Чего пришли, волки? – гаркнул неприятный старушачий голос.

– Вы Марина?

– Я! Чего пришли, спрашиваю!? – из дверного проёма высунулось сморщенное лицо.

– Нам нужна информация о вашей сестре Ларисе.
– Господи... – она перекрестилась и наклонила голову.
– И её фотографии.
– Пошли вон отсюда, мерзавки!
– Дядя Стас ещё жив! И если вы не поможете нам, он убьёт всех нас! – выпалила я, и только потом поняла, что прозвучало глупо.

Но это подействовало: Ларисину сестру заинтересовало сказанное. Она потопталась на месте, затем раскрыла дверь шире и впустила нас. В доме было, как в сарае, стойкий запах кошачьей мочи не позволял дышать полной грудью. Пришлось сесть на непонятного от грязи цвета кривой диван.

Однако раскиданных вещей нигде не было, просто здесь лет двадцать никто ничего не менял. Ирма вслед за мной уселась на диван, женщина устроилась в кресле напротив. Я заметила, что одна нога у неё отнята по колено, а часть лица, прикрытая наполовину седыми волосами, изуродована.

– Какой была ваша сестра?

– Тихоней. Она всегда была не от мира сего, раздавала свои вещи и еду бедным, всё время жаловалась, что никто её не понимает, сидела в своём углу, что-то писала, вот и досиделась до сумасшествия...

– У вас остались её фото?

Она встала, потянулась на антресоли шкафа и достала оттуда пыльную коробку.

– Это всё, что осталось.

В коробке оказалось несколько блоков фотографий, скрепленных денежными резинками, но стоило мне дотронуться до них, как резинки раскрошились.

– Ой...

– Они всё равно уже никому не нужны. Как и я... кроме этих кошек...

– Лариса хорошо знала Филина? Какие у них были отношения? – спросила я, рассчитывая услышать информацию, которой не было в дневнике.

– Это она прозвала его Филином. Что бы она ни сказала, он выпучивал свои глазищи и смотрел на неё так, как будто всё время был удивлен. Хе-хе... Они ходили гулять, он приглядывал за ней, пока она выросла. Когда Лариса слегла, он всё время ездил к ней в больницу, даже один раз куда-то увёз её. Когда она умерла, на девятый день он озверел и убил наших родителей, прямо на поминках, а потом сделал со мной это, – Марина приподняла волосы со щеки; мы увидели, что у неё отсутствует часть уха, – и это. – она постучала по протезу.

– Мы постараемся, чтобы он как можно скорее отправился в ад. – заключила я.

– Если он не отправит вас туда первыми. – ответила она так, будто ещё до нас знала, что Филин жив. – Чтоб он сдох!

Мы отыскали портретное фото Ларисы, одно из последних.

– Спасибо, Марина, вы нам очень помогли. – поблагодарила Ирма. – Нам пора.

М-да уж, разговор получился тот ещё. И я, и Ирма долго молчали по дороге. С холма спустились почти бегом.

Темнело. Прохлада становилась всё более ощутимой и придавала бодрости.

– Ты загримируешься под Ларису? – решила проверить свои догадки я.

– Ну... Я хотела, чтобы ты стала ею. Ты больше похожа. Он наверняка помнит её лицо.

Так отвлечем его.

– Не понимаю, как это нам поможет...

– Очень просто: Лариса пойдет в ресторан, куда он ходит, он её увидит и пригласит к себе.

– Как мы узнаем, в какой ресторан он ходит?

– Сорренто – маленький. Один мой друг уже ищет его.

– Что? Об этом никто не должен был знать!

– Я знаю, но без него мы потеряем время.

– Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Ты должна думать, как убить Филина, а не об этом... – Ирма взяла меня за плечи и пронахально посмотрела мне в глаза; её план был вовсе не понятен мне, казался слабоватым, но я видела перед собой профессионала своего дела и решила довериться ей.

На самом деле из головы никак не шёл Дилан со своими подозрениями. Сегодня утром он был чересчур агрессивен, обычно он не позволял себе проявления крайних эмоций при посторонних, а тут его как будто подменили. Когда мы вернулись в дом, Дилана, разумеется, ещё не было, я и не ждала, что он появится сегодня.

Вкусно пахло клубничным вареньем, мама закатывала его по банкам.

– Как сходили?

– Тётяшка-кошатница рассказала всё, что знала. – ответила я.

Конечно, должно пройти какое-то время, чтобы наши родственные отношения стали напоминать те, что были до моего «волчьего» периода. Невидимая граница пролегла между нами, что-то не пускало меня приблизиться. Что ж, все уже привыкли к холоду и расстоянию.

С работы вернулась Света, но перед тем как обнять меня, она стыдливо посмотрела на маму. «Когда же её характер, наконец, обретёт форму?» – возмутилась про себя я.

– Итак, все в сборе? Хочу сделать небольшое объявление! – я прибавила громкость голоса. – Вы уже предупреждены, что один мой друг по имени Захар придет сюда жить на некоторое время. Ему позавчера сделали операцию и в следующие выходные мы привезём его. Очень прошу быть с ним поласковее, в детстве он потерял родителей, а недавно погиб его опекун, сам Захар восемь месяцев провёл в тюрьме, где его пытали и где он заработал себе гангрену. Ему ОЧЕНЬ нужна забота и время на обретение смысла жизни.

О том, что Захар подвергся пыткам из-за того, что покрывал меня, я предусмотрительно умолчала.

– Я не за то, чтобы пускать жить в дом чужого человека. – высказалась мама.

– Я поручусь за него. Дилан даст денег на первое время, потом Захар начнёт работать сам.

Света не разделяла маминых подозрений, в её взгляде я прочитала интерес и надежду. Да, признаться, в мои планы входило зарождение взаимного интереса у Захара и Светы. Только бы она ничего не испортила...

Решено было предоставить нашу со Светой комнату Захару, а Свете – переместиться к маме. Впрочем, Свете так и так пришлось отправиться спать в мамину комнату, потому что на моей тахте должны были спать мы с Диланом (если он, конечно, собирался появиться сегодня), а на соседней кровати – Ирма.

Давняя традиция играть в дурака на 3 колоды, похоже, совсем утратилась. Все легли спать или разбрелись по углам. Мама занималась стиркой в ванной, Света села вышивать перед сном, а мы с Ирмой пытались уснуть. Ирма довольно быстро засопела (она как-то говорила, что мгновенно засыпает, как только голова ляжет на подушку), а ко мне сон всё не шёл.

Я села возле окна, вглядывалась через москитную сетку в звёздное небо, воображая, что мерцающие спутники – это на самом деле инопланетные корабли, исследующие Землю. Раз есть Верхний Волчок – параллельный мир, примыкающий к этому, – то наверняка есть и другие, совсем другие...

Мои мысли улетели совсем далеко, я начала моделировать, как будут выглядеть эти самые миры и существа, обитающие в них. Фантазии помогли мне отвлечься, расслабиться.

Встрепенуться меня заставил свет фар, звёзды померкли. Дилан. Он заметил, что я смотрю на него, подошел к подоконнику:

– Почему не спишь?

– Ищу инопланетян... – правдиво ответила я.

– Выйди, прогуляемся.

Я накинула на себя кардиган, как можно тише притворила за собой дверь, не закрывая её на ключ.

– Поехали к морю?

– Что ты задумал?

– Увидишь.

Выспрашивать у Дилана о чём-то раньше времени – безнадёжное дело, поэтому я молча села в машину и дождалась, когда мы окажемся на месте.

Свет фар осветил берег моря и кустарники дикой оливы, по едва заметным волнам можно было заметить, что ветра почти нет. Я вышла прогуляться, но скоро озябла и была укушена сразу десятками комаров. Дилан не спешил отдаваться на съедение кровожадным насекомым. Пришлось вернуться обратно и быстро захлопнуть за собой дверь. Я плюхнулась на сиденье, но спинки у него не оказалось.

– Ой...

Фары уже были погашены. Я потянулась, чтобы включить свет, но рука Дилана остановила меня. Как обычно, не произнося ни слова, он с необыкновенной прытью начал раздевать меня. Его действия были немного агрессивными, и всё же он следил за тем, чтобы не причинить мне боль, к тому же загипсованная рука добавляла мне неуклюжести.

Сопrotивления с моей стороны не последовало, ощущения в крошечной темноте обострились, и я позволила возбуждению взять верх. Играя роль послушной девочки, я сладко стонала и млела в объятьях Дилана, оставляя дорожки из поцелуев на его шее. Гормоны внутри меня бушевали с такой силой, что закружилась голова. Некоторое время после занятий любовью мы лежали и шумно дышали.

– Неожиданно. – призналась я.

– Что именно? – поинтересовался Дилан.

Так как ответа не последовало, Дилан выдал:

– Диана, ты любишь меня?

– Вдвойне неожиданно! – вырвалось у меня. – А к чему вопрос?

– У меня создаётся впечатление, что ты ласкова со мной, только когда я потакаю твоим прихотям. Всё остальное время ты испытываешь моё терпение. Ты знаешь, что я всегда буду тебя оберегать, как верный пёс, и принимаешь мою заботу о себе, но меня не любишь. – он смотрел на меня как-то тоскливо и одновременно строго и был уверен в своей правоте.

И я ответила без лукавства:

– Наверное, я ещё не умею любить...

– Я прошу тебя только об одном: не передавай меня, Диана. Если передашь, это будет конец нас.

– Дилан, ты пугаешь меня! – я подобралась ближе к нему и начала осыпать поцелуями его лицо, шею, плечи и грудь.

Он мягко прервал мои нежности и добавил:

– Диана, попробуй представить себя на моём месте и ты поймёшь, что сейчас чувствую я.

Я, всё ещё держа свои руки на его плечах, мысленно поменяла нас местами. Всю эту гамму ощущений я знала и раньше. Да, положение, в котором оказался Дилан, было незавидное, но именно свои мотивы я понимала лучше остальных и ставила в приоритет.

Дилан выдержал паузу, чтобы дать волю моему воображению, затем продолжил:

– А теперь представь, во что превратится моя жизнь после твоего исчезновения. Я не смогу жить, зная, что не уберёг тебя и нашего ребёнка.

Я почувствовала, что, ещё немного, и расклеюсь, поэтому поспешила забросать эту эмоциональную яму ласковыми словами:

– Дилан, я люблю тебя. Пусть я не совсем знаю, что это и как, но ты – главный человек в моей жизни.

– Тогда почему ты всё делаешь назло мне?

– В последнее время нам сильно недостаёт взаимопонимания. – сказала я и тут же пожалела о своих словах.

– Если под взаимопониманием ты подразумеваешь свои псевдогеройские попытки убить Филина, то тебе стоит повзрослеть.

– Я не хочу с тобой ругаться. Я устала от бесконечных споров.

Стёкла в машине запотели, стало не хватать воздуха. Чтобы не запускать в салон комаров, Дилан завёл автомобиль и включил кондиционер.

– Как сегодня прошёл твой день? – сменил тему он.

– Я попросила прощения у мамы.

Он не ответил, ждал, что я продолжу.

– Некоторые подробности я узнала от Ирмы, картинка в моей голове сложилась, я поняла, что мама не могла поступить иначе...

– Что ж, я рад, что вы помирились.

– Что нового у тебя?

– Ничего.

В машине стало прохладно, мы оделись, сели. Вдруг мне послышалось, что в моё стекло кто-то постучался. Я вздрогнула.

– Это саранча, не бойся.

– Включи фары!

Он включил, и я увидела, что перед капотом промелькнул чей-то размытый силуэт.

– Там кто-то есть! Он убежал вправо! Ты видел?

– Нет.

– Как нет? Он только что был здесь!

Силуэт снова возник возле капота, от одного его взгляда мне стало жутко. Спустя мгновение он появился прямо напротив моего лица, проник сквозь стекло, и подобие руки скользнуло внутрь меня. Ни слова, ни крика я не могла издать, мой рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег.

Всё моё тело охватила паника, я начала отбиваться руками, но неопределённая субстанция продолжала копаться в моих органах. Дилан включил свет, что-то сказал мне, потом я почувствовала на себе его руки.

Наконец жуткое лицо начало рассеиваться, громкий вздох вырвался из моей груди, и в истерике я завизжала, чтобы Дилан скорее уехал отсюда.

– Здесь никого нет, что с тобой?

– Он копошился во мне! – выдавила я, завывая.

– Кто?

– Призрак! Он хотел убить меня...

– Один из тех, кого ты отправила на тот свет? – с насмешкой спросил Дилан.

Я была слишком напугана, чтобы ответить сарказмом на его вопрос.

– Нет, я помню их лица, нет... точнее, это была она... чёрт, а-а-а...

– Тебе плохо? Диана? Посмотри на меня. – взволнованно потребовал он.

– Она трогала меня изнутри... проклятое место...

Мы уже ехали к дому. Дилан торопился, но всё время поглядывал на меня.

– Диана, успокойся, больше никого нет. Слышишь? Сейчас приедем и ты уснёшь.

– Она ещё вернётся...

– Не вернётся. Хочешь убить Филина, а испугалась какого-то призрака.

Это высказывание помогло мне побороть истерику, но даже когда мы вошли в дом, моё тело по-прежнему дрожало.

Мы выпили сладкого чая и легли спать. Горячей воды в нагревателе не оказалось, а ждать не было сил, поэтому душ решили отложить на завтрашнее утро. Оттого что Дилан обнимал меня, я почувствовала себя в безопасности и вскоре уснула.

Утром я смогла посмотреть на всё свежим взглядом, моё самообладание восстановилось настолько, что не было необходимости рассказывать о случившемся кому-то ещё.

Дилан принимал душ вместе со мной и заметил, что мой живот уже начал округляться. По мне так пока не видно было никаких изменений, Дилан вполне мог сказать это, чтобы я ещё раз подумала, прежде чем сделать роковой выбор. Но всё уже было решено: впереди у меня было дело, которое определит нашу дальнейшую судьбу, а после – можно будет полностью посвятить себя семье и учёбе.

Воскресным утром мы вчетвером (мама, Света, Ирма и я) начали уборку и перестановку к приезду Захара, освободили место в шкафу, нашли несколько папиных пар обуви, курток, свитеров и брюк. Мама с радостью согласилась, чтобы их носил Захар, если они, конечно, подойдут.

Дилан снова уехал завершать дела, но сказал, чтобы вечером мы были готовы к отъезду.

Честно говоря, у меня было столько всего запланировано на выходные, что я начала паниковать. Только к вечеру мы с Ирмой уединились, чтобы готовиться к экзамену. Она уже знала ответы на все билеты, а я понимала, что у меня много пробелов по анатомии. Учить не хотелось, приоритеты расставились таким образом, что учёба отошла на второй план.

– Ты знаешь, как-то нет настроения зубрить...

– Тревожно тебе?

– Да. Смысл учить, если, может, не пригодится?

– Не волнуйся. Мы его убьём. У тебя семья, а его никто не любит.

– Верно... Тебе часто приходилось убивать?

– Не очень. Только по работе. Из пистолета. Не бойся, меня учили, как это делать, он умрёт, доверься мне.

Я кивнула.

– Твоя задача – сделать так, чтобы Дилан не мешал нам.

– Боюсь, это вряд ли. Нужно всё успеть, пока он не примет меры.

Ирма пробормотала что-то на своём языке. Я не стала переспрашивать. Иногда она кому-то звонила и, разумеется, я не могла разобрать, о чём она говорила и с кем. Ирма объясняла, что это сейчас её единственный способ связи с сыном. Да, можно понять и поверить, но мне хотелось проверить, так ли это? И почему Дилан резко негативного мнения о ней? Есть ли причины?

Поздно вечером мы собрались обратно в город. Дилан был не в настроении, поэтому ехал быстро и всю дорогу молчал. Мы с Ирмой сидели на заднем сидении, договаривались встретиться во вторник на экзамене, повторяли кое-что из учебного материала.

До постели удалось добраться около трёх ночи.

– Ты всё время напряжён. Я давно не видела тебя расслабленным.

– Потому что я отвечаю за нас обоих, а точнее, уже троих.

– Я в состоянии сама за себя постоять.

– Ты сама наивность! Как ты думаешь, почему для защиты тебя была выбрана именно она?

– Потому что она наиболее компетентна. – предположила я.

– Потому что на тебе она проколется и клан избавится от них обоих. – ответил Дилан, имея в виду Ирму и Филина.

– Это бред.

– Не предпринимай решений, когда не владеешь достаточной информацией.

– Всё, хватит! Я не нуждаюсь в твоих нравоучениях! Можно подумать, ты у нас знаешь всё и обо всех! Ирма – не предатель, и это я знаю точно!

Я встала с дивана и подошла к окну. Сложив руки на груди, я ждала, что моего упрямства хватит, чтобы продавить самоуверенность Дилана. Моим желанием было внушить ему, что моя правда – истинна.

– Диана, сядь, пожалуйста, рядом.

Мне всё хотелось делать на вред, поэтому я не тронулась с места. Я готовилась услышать то, что заставит меня смягчиться и на время забыть о нашем споре.

– Диана?

Постояв ещё несколько секунд, я подошла к нему и села рядом. Дилан взял мою ладонь и положил к себе на колени.

– В жизни я избрал тактику «за своих – против чужих». Все мои усилия направлены, чтобы жизнь моих близких была как можно безопаснее и лучше. Я для себя чётко определил, кто для меня свой, а кто чужой. Я с тобой честен и я забочусь о тебе. Все мои действия – для того, чтобы сберечь тебя и нашего будущего ребёнка. Так определи и ты для себя, кого ты считаешь своим. Только не ошибись.

– За что ты так ненавидишь Ирму?

– Даже если бы она не была пешкой Филина, у вас было бы мало шансов убить его. Я узнал его адрес, проверил охрану и прочее и скажу тебе точно: у тебя нет шансов.

– Это правда? Тогда как убить его? Взорвать?

– Во-первых, взрыв – это слишком шумно и опасно, во-вторых, убийство должно быть незаметным и без лишних следов.

– У тебя есть план?

– Да. Но ты думай, прежде всего, об экзаменах. – он сменил тему разговора. – Наша фирма занимается строительством не только зданий по заказным проектам, но и жилья для членов клана. Благодаря нам беженцы из Верхнего Волчка обрели новый дом. Как ты считаешь, это достойный смысл жизни?

– Да. – ответила я с недовольством, понимая, к чему клонит Дилан.

– Твоя роль заключается в том, чтобы родить ребенка и стать первоклассным хирургом. Сколько экзаменов у тебя осталось?

– Три. – соврала я.

– Вот и хорошо, потом мы придумаем что-нибудь на твой день рождения. А теперь спи, доброй ночи!

Возможно это странно, но больший страх я испытывала от мысли, что столь яркие события в моей жизни перестанут случаться и жизнь превратится в обычную человеческую рутину с ежедневной стиркой грязного белья и пакетом печенья вечером возле телевизора.

«В кого Дилан хочет меня превратить?» – недовольно вопрошала я.

Для меня невиновность Ирмы была несомненна, у неё был миллион шансов убить меня, пока мы гуляли вдвоём: подсыпать ад в чай, толкнуть под автобус, с конце концов, но ничего подобного не было. А когда я вернулась из плена, австрийка даже заплакала от радости. Я была уверена, что все нестыковки относительно её поведения легко объяснимы. А Дилан – параноик, не терпящий, когда что-то решается без него.

Ещё один, предпоследний, экзамен был сдан, причем сдан снова на «отлично», сразу после него я направились навестить Захара.

– Привет! – я потянулась, чтобы обнять его.

– Привет...

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Ходить ещё не могу, только на костылях. Я прочитал твою записку, спасибо.

– Выглядишь гораздо лучше. А я на выходных ездила в Нижний Волчок, мы полностью подготовили комнату к твоему приезду, так что тебя ждут! Ориентировочно мы отправимся туда в пятницу, Дилан нас отвезёт.

Захар опустил глаза, закусил нижнюю губу. Его снова снедала ревность. Мне и не представить даже, что он чувствовал тогда. Я про себя не переставала его жалеть.

– Всё будет хорошо. – я обняла его и поцеловала в висок. – Я хочу тебя видеть счастливым и здоровым. Смотри, я принесла нам ужасный фастфуд, страшно хочу есть! – по его недоумённому виду я поняла, что он не знает, что значит «фастфуд». – «Фаст» – это «быстрый», «фуд» – это еда. Держи.

– Спасибо.

Мы съели весь пакет, голод в моем желудке утих. Захар ещё раз поблагодарил меня.

– Пошли, что ли, пожаримся на солнце?

Он как-то покорно и молчаливо согласился. Мы спустились вниз на лифте, медленно добрались до сквера, нашли место за зданием больницы, в тени, а то солнце пекло слишком уж сильно. Долго сидели молча, просто наблюдая за другими гуляющими.

– О чём задумался?

Захар пожал тощими, как вешалка, плечами.

– Я всё время жду, когда ты придёшь ко мне, а когда ты появляешься, я не знаю, о чём говорить с тобой, слова слишком мелкие, чтобы передать мои мысли.

– Дай руку.

– Она мокрая...

Я слегка ухмыльнулась и сама взяла его ладонь.

– Ты похожа на ангела, иногда мне кажется, что ты слишком идеальна, чтобы сидеть рядом со мной.

– В первую очередь я – твой друг, и – да, я сижу рядом и торможу тебя, чтобы ты не скучал. Не грусти!

– Мне стыдно за себя.

– Всё-всё, хватит! Благодаря тебе мы смогли выжить тогда, или ты забыл? Мы сидим здесь, живы-здоровы, ну, почти... – тактично уточнила я. – Это большое счастье!

– Да, да. – он опустил голову. – Что-то я неважно себя чувствую, пойдём обратно?

– Уже? Ладно, конечно, пойдём. – я чувствовала себя виноватой перед ним, но также понимала, что ни в коем случае нельзя устраивать при нём истерику, поэтому, как могла, старалась переменить тему: сначала говорила о сегодняшнем экзамене, потом о предстоящих выходных и нашем с Ирмой побеге.

Он остановился возле старого вяза, притянул меня к себе, крепко обнял и затрясся от вырывающихся всхлипываний. Я инстинктивно начала отталкивать его грудь руками.

– Нет, нет, пожалуйста... я знаю, что ты сильнее меня, но, умоляю, не отталкивай! Диана, я люблю тебя, мне так больно оттого, что ты не моя... – он делал паузы между словами. – Прости, у меня нет больше сил молчать об этом... Я так долго не решался... Ты – всё, что у меня есть, но и тебя у меня нет...

– Тише, тише, успокойся, всё будет хорошо. Тебе ещё встретится девушка, которую ты полюбишь по-настоящему. Это всего лишь первая любовь, она почти у всех тяжёлая.

Он сжал меня ещё сильнее, костыли упали на каменные плиты. Мне стало тошно, от его тела разлило потом.

– Не надо мне другую! – Захар часто и прерывисто задыхался, от перевозбуждения у него встал пенис, и он стыдливо отстранился от меня, а затем начал гнуться к земле, цепляясь за меня руками. – Диана... пожалуйста, будь моей, хоть раз...

– Я беременна, Захар. – с нотками возмущения сказала я. – И была беременна, когда мы оказались в доме Филина. У меня уже есть муж. Я никогда не буду с тобой.

Он лёг на плиты и свернулся калачиком, одной рукой закрывая лицо, а другой – стучая себя по бедру. Я назвала себя его другом, но теперь мне захотелось уйти. Даже будь я не замужем и условно свободна, между ним и Диланом я, не колеблясь, выбрала бы Дилана. Да. Такая неприятная правда крутилась в моих мыслях. Обижать Захара мне не хотелось, но ему бы и близко не хватило сил и терпения обуздать меня. Пока он рыдал и стонал, я просто стояла, подбирая остужающие и одновременно подбадривающие слова, но ничего дельного так и не пришло на ум.

Я присела на корточки, погладила его по голове и сказала:

– Нам пора.

Он был не в себе. Совсем расклеился. Я помогла ему подняться, подала костыли, и мы молча побрели в отделение. Медсестра, у которой я всё время спрашивала о состоянии здоровья Захара, заметила его опухшее лицо и нахмурилась, однако ничего не сказала.

В палату Захар вошёл уже немного успокоившимся, но всё ещё шмыгал носом. Рядом с открытыми окнами стояли работающие вентиляторы. Пациенты, как на подбор, лежали в постелях с закинутыми за голову раками, кто-то дремал.

– Теперь ты больше не захочешь приходить, я знаю. – буркнул себе под нос Захар.

– Я скажу тебе одну вещь. – я села рядом, сложила руки домиком возле его уха, чтобы любопытные соседи не подслушивали, и начала говорить шёпотом. – Ты должен радоваться, что мы не можем быть вместе. Когда я поселилась у тебя второй раз, я сбежала, потому что обратилась ночью, во сне, и чуть не убила собственного мужа. Тебе не по силам было бы жить со мной, даже Дилану я не желаю себя. А ты найди себе простую девушку и живи с ней долго и счастливо.

Я осталась довольна этой простой истиной, а он отвернулся к стене и не сказал ни слова.

– Пока, Захар. – попрощалась я.

Шагая по больничной дорожке, я ругалась, шевеля одними губами. Его поведение ставило под сомнение благополучный исход нашей поездки в выходные. Только бы Захар тихо вёл себя и не начал отказываться. Нужно было как можно тщательнее сохранить сегодняшний инцидент в тайне.

Ещё одна проблема, а ведь думать сейчас надо было совсем о другом. Я с ужасом представляла себе, что завтра снова пойду к Захару. Как иначе контролировать, чтобы он ничего не натворил с собой? Или оставить его, чтобы он сам принимал решения и отвечал за последствия?

Или мне просто хотелось разодрать глотку тому, кто во всём этом виноват. Меня беспокоил вопрос о том, как бы всё сложилось, останься Лариса живой? Скольких смертей тогда не случилось бы? Если после смерти и существует какая-то ипостась жизни, то Лариса от такого должна сходить с ума и проклинать себя.

Вечером пришёл Дилан, спросил, как я сдала экзамен, словно ему было неинтересно или он уже знал ответ. Я внимательно наблюдала за его движениями и выражением лица, хотя чаще он поворачивался ко мне спиной.

«Неужели он настолько несчастен?» – задалась я вопросом.

– Диана, завтра утром я уезжаю в командировку на пару дней, тебе нужны деньги?

– Ещё не знаю. Оставь чуть-чуть. Куда ты едешь?

– В Москву.

– Успеешь за пару дней? Ты на самолете?

– Да. – он, не раздеваясь, начал собирать вещи.

– Ты чем-то расстроен? – заподозрила неладное я.

– Нет. Немного устал. В доме есть еда?

– Да. Сейчас подогрею. Почему ты не раздеваешься? Дома жарко.

– Когда, говоришь, у тебя последний экзамен? – поинтересовался он, проигнорировав мой вопрос.

– Третьего числа.

– Ясно. – он громко закрыл дверцу шкафа и ушёл принимать душ.

Я вздрогнула от неожиданности и начала понимать, что меня, кажется, кое-кто начал проверять, и как раз сегодня поймал на вранье. Однако открытого разоблачения не было, и я решила, что Дилан не знает наверняка о моём обмане. Во всяком случае, мне было спокойней думать так.

Весь остаток вечера Дилан сосредоточенно изучал какие-то материалы и убедительно попросил не отвлекать его по пустякам. Мне пришлось делать вид, что я что-то читаю, на самом же деле я изучала карту Сорренто. Ни Ирма, ни Дилан, вычислившие адрес Филина, не сказали мне его. По снимкам со спутника и Гугл-картам мне удалось найти предположительный адрес. Это немного успокоило меня.

Пришлось раньше лечь спать, потому что делать было больше нечего, а желудок просил еды. Но нельзя. Нельзя.

Долго не удавалось уснуть, вместо этого я два часа делала вид, что сплю, пытаюсь время от времени поглядывать на Дилана. Он тяжело вздыхал, иногда опускал голову и отворачивался от монитора, потирал глаза.

Утро наступило, застав Дилана спящим за столом. Я проснулась чуть раньше, подошла к нему:

– Дилан? Проснись!

Он вздрогнул, отходя ото сна, локтем пихнул мышку, и на его ноутбуке засветился монитор со схемой систем тела человека и каким-то текстом, я успела только прочесть словосочетание «побочные эффекты», прежде чем Дилан закрыл файл.

– Проклятье! – выругался он и вскочил с кресла.

Дилан спешно оделся и не стал завтракать.

– Буду в четверг ночью или в пятницу утром. Пока!

– Напиши, как приземлишься. Пока. – отозвалась я.

Он коротко поцеловал меня в лоб и вышел. Такое чувство, что он уже не просто злился – он боялся, как будто решил на что-то страшное.

«Что происходит?» – мысленно недоумевала я.

Сначала я схватилась за мобильный, чтобы позвонить Дилану и попросить никуда не лететь, так как у меня было очень плохое предчувствие, но потом вспомнила, что не отказалась от своих планов, когда меня просил он.

Я взмолилась: «О-о-о, пусть все, кроме Филина, останутся живы!»

Только после нескольких часов уговоров самой себя в том, чтобы пойти навестить Захара, и сообщения Дилана о прибытии в столицу я-таки собралась. Нужно было купить что-нибудь из еды. Сегодня было ещё жарче, я взяла с собой холодный морс и пакет с финиками.

Когда я, предощущая неловкость, шла к зданию больницы, позвонила Ирма и сказала, что мы летим в субботу в 21 час вечера до Москвы, а оттуда – в Италию. Я приняла к сведению, но высказала свои опасения насчет плана побега. Ирма же была уверена в успехе нашего предприятия. В любом случае хоть её голос был оптимистичным, не то я уже устала от страдальцев.

С каждым шагом, сделанным в сторону палаты Захара, на меня наваливалась тяжесть. Как же не хотелось! Однако я сама себе запретила думать об этом и настроилась на любую, даже самую громкую истерику.

Медсестра, ухаживающая за Захаром, сказала, чтобы я постаралась не расстраивать его, потому что у него сильное нервное истощение, организм очень слаб и может не выдержать

очередного стресса. Вчера у него поднялась высокая температура, пришлось сбивать. Я пообещала, что всё обойдётся.

Когда я вошла в палату, Захар лежал, глядя в потолок, но, заметив меня, тут же принял сидячее положение и густо покраснел.

– Привет...

– Привет! – вымучила я подобие улыбки. – Пойдем пройдемся?

– А... Мне можно только в коридор, у меня капельница.

– Ну, давай в коридор. Мне сказали, что ты заболел.

– Извини... Я думал, ты больше не вернёшься.

– Я бы наваляла тебе, будь ты сейчас здоров. – честно предупредила его я.

Мы дошли до ближайших сидений: он ковылял на костылях, а я везла рядом с ним капельницу. Благо, никого рядом не было, можно было спокойно говорить. Но мы долго молчали.

– Держи, я тебе принесла: это морс и финики. Надеюсь, ты ел раньше финики?

– В детстве.

– Ну вот, не забудь, что они с косточками. Очень полезные.

– Спасибо... да я не заслужил...

– Прекрати, пожалуйста. У каждого бывают моменты слабости. – мы снова надолго замолкли. – Дилан сказал, что не простит меня, если я сунусь к Филину.

– Ты передумала?

– Нет! Но он что-то задумал. Возможно, мне понадобится твоя помощь, чтобы суметь сбежать.

– Но ты же беременна... Наверное, тебе лучше отказаться...

– Я рождена, чтобы убить его! Я ни за что не откажусь! Так ты поможешь?

– Да. – торопливо ответил он, затем повторил ещё раз. – Да.

– Неважно выглядишь. Ты сможешь поехать в пятницу в деревню?

– Да. Я всё сделаю.

– Вот и хорошо! Чем хочешь заняться сегодня? Ты прочёл книгу, которую я принесла тебе?

– Не до конца. Она интересная, но вчера мне было никак... – унылым голосом признался Захар.

– Я тебя прошу: не пугай меня больше так. – попросила я.

– Прости. Мне очень стыдно... Ты уже уходишь?

– Могу остаться, если ты хочешь.

– Хочу. Мне лучше вернуться в палату. Ты посиди со мной немного, ладно?

– Ладно.

В итоге я легла и уснула рядом с ним, а разбудила нас медсестра, уже другая, и сказала, что пациенту пора на перевязку. Собственно, так мы и расстались, наскоро попрощавшись. Сегодня я в очередной раз покормила его демонов, и теперь они будут терзать его ещё сильнее.

Не зная, куда податься, я позвонила подругам, но у Анки сессия уже кончилась, и она уехала домой, а Люда и вовсе была на отдыхе в Сочи. С ними так и не удалось встретиться, Ирме было не до прогулок, поэтому я болталась по улицам дотемна.

Сидя на скамейке в соседнем дворе, я набрала сообщение Дилану о том, что скучаю, что мне отчего-то очень тревожно. Получилось немного сумбурно и неуместно, но вырвалось как-то само собой. Спрятав телефон в карман, я побрела дальше, стараясь идти там, где есть фонари. Этот район я успела выучить наизусть, так как моя дорога в университет пролегла именно через него. Я шла самым медленным шагом, каким только могла; это как в детстве мы играли в лилипутиков, великанов и зонтики.

Из подъезда, мимо которого я проходила, выбежал или, я бы даже сказала, вывалился парень и тут же громко заголосил:

– Девушка! Девушка! Стойте!

Я остановилась и повернулась к нему.

– Мы с другом играли в одну игру... и если Вы со мной не познакомитесь, я проиграю ему свой байк. – выпалил он.

– Мне очень жаль твой байк, но я замужем. – снисходительно улыбнулась я.

– Это неважно! Тс-с-с-с! Спасите меня, очень прошу! Я Вас подвезу до дома, – он нарочито уважительно обращался ко мне на «вы», – только, умоляю... – дверь подъезда запиликала и открылась. – Ахаха, выкуси! Не видать тебе моей крошки! – заголосил мой новый знакомый.

– Ты где такую взял? Девушка, как Вас зовут? – тоже по-джентльменски обратился ко мне второй парень.

– Диана.

– Очень приятно! А я Саша, а это Дима. Он больше всего на свете любит свою пукалку.

– Э-э! – воскликнул Дима.

Парни начали по-дружески перепираться, я по-тихому побрела ближе к дому, сделала несколько шагов, но меня тут же догнали и взяли под руки.

– Диана, Диана, постойте, я же Вас обещал подвезти до дома? – напомнил Дима.

– Спасибо, не нужно, здесь недалеко.

– А почему Вы по тёмным улицам – и одна? У нас какой-то монстр съел сразу пятерых! Вы слышали?

– Я не боюсь монстров. – ответила я.

– А зря! – продолжал тот, кого назвали Димой. – Вот вчера я иду по трассе, в смысле, еду на байке, и прямо посреди дороги – призрак, страшный такой! Я чуть в штаны не наложил, затормозил, но всё равно врезался в него...

– Ага, – ответил Саша, – это он так ёжика задавил!

– Не было никакого ежика! Какие ежи в городе?! Призрак это был, я тебе говорю!

Я пыталась сдерживать улыбку. Похоже, эти ребята не представляли для меня опасности. Дальше у них получилось меня разговорить, те ещё забавники: сначала они решили разыграть какую-то женщину, которая шла с сетками продуктов домой. Дима спрятался в кустах возле дома, а мы с Сашей – за припаркованной на тротуаре машиной. Из кустов раздалось жалобное мяуканье, и оно становилось ещё более жалобным по мере того как женщина приближалась. Меня накрыла истерика, когда та остановилась и начала звать котёнка. Но котёнок всё не шёл, и она, оставив сетки на асфальте, полезла в кусты. Дальше послышалось: «Покормите меня, пожалуйста, добрая тетя?» Тетка закричала, после каждого ругательского слова вставляя громкое «тьфу», и выпрыгнула из кустов. Дима поспешно ретировался, заразительно смеясь на бегу. Безобидные детские шуточки...

Как-то незаметно мы свернули не к моему дому, но я была целиком захвачена новыми позитивными эмоциями. Мы рассказывали друг другу забавные и мистические случаи из жизни, особенно много их сыпалось из Димы, который, похоже, придумывал их налету.

Завибрировал мобильник, мой.

– Да? – ответила я.

– Я увидел твоё сообщение. Где ты сейчас?

– А... я гуляю. Так, брожу по улице около дома...

– Диана, ты в курсе, что уже ночь? Чьи это голоса рядом?

– Это ребята со мной познакомились, хорошие ребята.

– Пожалуйста, иди домой. – потребовал Дилан.

Я вздохнула, осознав для себя, что веселье кончилось, но пообещала, что скоро приду домой и напишу смс. Мы развернулись в сторону моего дома и вскоре я остановилась.

– Всё, ребята, мне пора домой.

– Не-е-ет! – заголосили они хором. – Ты что?!

– Мне, правда, пора. Спасибо за веселый вечер, ребята!

– Мама беспокоится? Когда ты ещё выйдешь гулять?

– Не знаю. Скоро я уеду и не знаю, вернусь ли обратно.

– Ты не врешь?

– Это правда. Здесь я живу. – с грустными нотками в голове сказала я. – Рада была познакомиться, пока!

Дома я отправила Дилану отчет о своём местонахождении, приняла душ и уснула.

Я хотела веселья – я его получила. Утром за завтраком я размышляла над тем, что опасно было бы продолжать общаться с ребятами дальше: опасно для них. Честно сказать, я боялась повторения истории с Захаром, хватит с меня влюблённых мальчиков.

Последний экзамен я тоже успешно сдала, он был самым лёгким в сессии. Теперь можно было вздохнуть с облегчением и сосредоточиться на самом главном. Осталось всего ничего – перегрызть глотку Филину и вернуться с триумфом домой. Никто не в силах был остановить меня, даже здравый смысл.

Чувство голода всё никак не давало мне покоя, я старалась питаться овощами и фруктами, но хотелось мяса с кровью. К обеду я не выдержала и пошла на рынок, где купила кусок телятины, зашла за угол дома и съела его сырым. Пока я с удовольствием жевала мясо, мне показалось, что мои клыки стали волчьими, чтобы легче было отрывать куски. Оставалось надеяться, что меня никто не видел. Я наскоро достала из сумки влажные салфетки и вытерла ими лицо и руки.

И мне снова стало нечего делать, кроме как идти к Захару.

Меня начало мутить, когда я уже подходила к больнице. Я и сама не могла понять свой организм.

Захар на этот раз сидел за книгой, но уже не той, что я приносила.

– Привет! Что читаешь?

– Привет! «Тихий Дон». Сосед по койке выписывался, доставал свои вещи из тумбочки и...

– Где туалет? Срочно!

– Направо по коридору, а... – недоговорил Захар, но я уже скрылась за дверью.

Едва успела добежать. Съеденное разом вышло из меня. Мне показалось, что я и не ела столько, сколько вытошнилось. Невольно вспомнился тот момент, когда меня вырвало остатками человеческих пальцев. Мерзость...

Я сидела возле вонючего унитаза, боясь встать из-за продолжающихся рвотных спазмов, а в голову лезли воспоминания о том, какой же я монстр.

«Может, показать себя другую Захару, чтобы он больше не идеализировал меня и не страдал?» – подумалось мне. И эта идея засела во мне прочно.

Туалет оказался мужским, ну да мне было всё равно. Умывшись и прополоскав рот, я вернулась в палату.

– Извини, токсикоз... Как ты сегодня себя чувствуешь, готов к завтрашней поездке? – поинтересовалась я.

– Я не хочу никого притеснять. Мне неловко, если честно.

– Во-первых, ты будешь жить в моей бывшей комнате, во-вторых, там о тебе позаботятся и мне за тебя будет спокойней. Завтра в 9 отправляемся. У Дилана остатки твоих документов, когда тебе станет лучше, надо будет заменить их в районном отделении.

– Ясно. Мне уже гораздо лучше, но без костылей пока не могу ходить, больно.

– Теперь тебе некуда спешить. Извини, я сегодня с пустыми руками... Странный день.

– Ты и так очень много сделала для меня, ничего не надо, тем более, финики ещё остались. Хочешь?

Я активно замотала головой. Радовало только то, что сегодня Захар на самом деле был похож на выздоравливающего, на более-менее психически уравновешенного человека. Мы просидели недолго, мне снова захотелось есть. Кроме того, нужно было что-нибудь приготовить к приезду Дилана, что-то интересное и не приевшееся. В итоге я накупила кучу ингредиентов для пиццы и лазаньи. До вечера простояла возле плиты, но при виде сырого фарша меня снова чуть не вывернуло наизнанку.

Уже было темно, и я вышла на балкон подышать свежим воздухом. Внезапно мне привиделось нечто, точнее, это был тот самый призрак, который напугал меня в Нижнем Волчке. Первым моим порывом было убежать, но я только отошла от окна, не сводя взгляда с призрака. Он, похоже, не собирался нападать и пугать, поэтому я спросила:

– Что тебе нужно?

Призрак подлетел ближе, теперь он находился примерно в метре от меня. Он сдул с ладони какие-то едва различимые нити, которые растворились, приземлившись мне на лицо. Тут же в моей голове зазвучал сухой шелестящий голос: «Лариса».

– Ты – Лариса? – удивилась я. – Что-то не похоже.

Призрак повторил жест: «Убей его». Неужели это была она? Непонятная уродливая субстанция.

– Я и так собираюсь сделать это. Чем ты можешь помочь?

«Доверяй». – донеслось до меня.

– Кому доверять?

Призрак не ответил, но пока ещё висел в воздухе.

– Что-то ещё?

«Проклятье».

– Какое проклятье? Можно яснее? – начала раздражаться я.

«Жертва волк».

– Этого можно избежать?

«Если откажешься. Он идёт».

В двери заворочался ключ. Меня захватило волнение, как будто я вижу мужа впервые. Он был чернее тучи, хотя и обнял меня, мне передались его тревожные импульсы. Я начала понимать...

– Что ты собираешься сделать, Дилан?

– Надеюсь, что ничего. – бросили мне в ответ.

– Нет-нет-нет, не обманывай меня! Призрак мне... Призрак! – я побежала на балкон, но в густом чёрном воздухе уже никого не было.

Дилан стоял в проёме балконной двери и молчал.

– Я не спятила! Она сказала, что тебя принесут в жертву, что этого не... избежать. Что ты задумал, умоляю, скажи?

– У меня нет сил слушать твои выдумки. Я очень устал, а завтра ещё надо ехать в деревню, если ты помнишь.

Я ни на секунду не поверила, что он просто устал, но решила не приставать с расспросами. Он похвалил мои кулинарные усилия, быстро поел, принял душ и лёг. Я шарилла рукой по его телу, гладила, как будто изучала заново.

– Что ты делаешь? – недовольно спросил он.

– Не знаю. Ты отдыхай, я просто соскучилась.

В конце концов, сон сморил и меня.

Зато утро началось с любви. Нежность накатывала на Дилана периодами, и сегодня как раз был такой день, когда он не скрывал чувств и желаний. Да, всё было хорошо, но шелест голоса призрака никак не покидал мои мысли. Шаг вперед – обрыв, шаг назад – обрыв. Словно я иду по канату и теряю равновесие. В какую сторону падать, не всё ли равно?

Мы подъехали к больнице с небольшим опозданием: я собирала некоторые вещи, чтобы ничего не забыть, а также приготовленную вчера пиццу в дорогу. Мы поднялись к Захару в палату, вид у него был растерянный.

– Привет, извини, задержались. – подбежала к нему я и по-дружески обняла.

– Привет... – снова покраснел Захар. – Здравсьте. – пожал он руку Дилану.

Я была готова к такой неловкости, потому что несколько раз представляла этот момент мысленно.

Из вещей у Захара оказался всего один пакет да прихваченный бесхозный томик Михаила Шолохова. Захар, как мог, старался быстро передвигаться на костылях, но запыхался на полпути. Дилан сказал, что пойдет купить нам холодной воды в дорогу.

– Ты как? – спросила я Захара, когда мы остались наедине.

– Нормально. Правда. Не волнуйся за меня.

– Хорошо. Я очень рада таким переменам. Всё наладится.

– Когда ты едешь туда? – с запинками поинтересовался он.

– Завтра. Пожалуйста, не подведи. Никому не рассказывай о моих планах. Дилан что-то задумал, что-то страшное, я не хочу, чтобы он поехал вслед за мной.

– Что конкретно от меня требуется?

– Пока только молчать.

У нас с Ирмой был уговор, что в Нижнем Волчке на вокзале с 17:30 до 18 часов меня будет ждать машина, которая отвезёт меня прямо в аэропорт. Моя задача – проколоть колёса у машины Дилана и выгадать момент, чтобы сбежать.

А пока что мы ехали в деревню и слушали какое-то радио, или, может быть, никто не слушал. Меня укачало в дороге, я закрыла глаза, чтобы подавить тошноту. В целом ничего интересного и запоминающегося не произошло. Главное, добрались.

Чтобы снова не начало рвать, я, как только вышла из машины, напилась колодезной воды, прислонилась к прохладному от тени бетонному кольцу и задремала в неудобной позе. Тихо подкралась мама.

– Диана? С тобой всё в порядке? Пойдём в дом?

– Привет, мама. Я не могу, мне нехорошо, всё время тошнит.

– А, понятно. Всё равно лучше пойдёшь, приляг на постель, здесь рядом муравейник.

Я едва заметно кивнула, а она ушла звать Дилана, чтобы помог мне дойти. Помню, что проснулась я уже на своей старой кровати и тут же ощутила сильный голод. В комнате больше никого не было.

Все, кроме Дилана, сидели на кухне, мама рассказывала какие-то отрывки из своих воспоминаний.

– Извините, мне было нехорошо. – с порога начала я. – Привет, Света. Как тут у вас дела?

– Нормально. – ответила сестра.

– Еда есть? О, мясо! – я уже схватила было кусок, но мама остановила меня.

– Диана, это на завтра. Вообще-то, оно сырое. Садись за стол, я положу тебе нормальной еды.

– Где Дилан?

– Уехал, сказал, что у него какие-то дела с переселенцами из Верхнего Волчка. Тут у нас большие перемены, новым людям надо работать, на что-то жить, они ещё не скоро смогут вернуться домой. Помогаем им всем кланом.

Мама всё говорила и говорила, а я доела трапезу и удалилась. Взяв с собой рюкзак с заранее подготовленными для побега вещами, я пошла к папе на кладбище. Бежать я сегодня не собиралась, но никто не должен рыться в моих вещах.

Сегодня папа молчал. Я рассказала ему о призраке, про то, что всё-таки помирилась с мамой, про Захара и его несчастную любовь ко мне, от которой во что бы то ни стало надо избавиться, про призрака, завтрашний побег и неизбежную жертву. Но папа так и не заговорил со мной. Я не придавала особого значения этому молчанию и вскоре вернулась обратно к дому.

На скамейке возле сарайки отдыхал Захар, костыли стояли рядом.

– Твоя мама сказала, куда ты ходишь. – начал первым он.

– К папе. Будь он жив, всё было бы по-другому. Иногда он говорит со мной, сегодня вот молчал...

– А мне не по кому скучать. Разве что только по Василичу, а ведь я даже не знаю, похоронили ли его? И где? Получается, что я могу поговорить только с тобой.

– Мама со Светой тоже очень хорошие. Если что, они всегда придут на помощь. – поспешила приободрить его я.

– Ты ненавидела её, маму?

– Да, было такое. Она и Дилан пытались убить во мне монстра, а я сопротивлялась. В конце концов, я делаю вид, что монстра больше нет, а они – что всё забыли.

– Неужели монстр так страшен? – поинтересовался Захар.

У меня загорелись глаза. Вот он, этот момент, когда нужно показать, кто я на самом деле.

– Ты испугаешься. – ответила я. – Не уверена, что после этого мы останемся друзьями.

– Я не боюсь тебя.

– Ты просто не знаешь, о чём говоришь! – дразнила его я.

– Я видел, как ты обратилась, когда пыталась защитить ту женщину в охотничьей деревне.

Прости, что снова затрагиваю эту тему. Да, я плохо вёл себя, но знай, что я буду ждать тебя в любом случае. Я живу, пока я нужен тебе. Если я нужен как друг, то я буду твоим другом, но ты не запретишь мне надеяться на большее.

Я встала, ощущая всплеск гормонов. Чувство, приносящее мне удовольствие. Предвкушение...

– Нравится? – мои пальцы потянулись к его шее, но он отодвинулся к краю скамейки и встал на одну ногу без помощи костылей, потому что те были по другую сторону скамьи.

– Диана, не надо, я знаю, что ты не такая. – уже без былой смелости сказал он.

Я рассмеялась огрубевшим рычащим голосом и приблизилась. Моя левая рука сомкнулась на его шее и рефлексивно сжала её. Увидев страх в глазах Захара, я поняла, что добилась своего, но закончить всё вот так было бы слишком просто. Нога, на которой он стоял, оторвалась от земли. Он уже не мог говорить.

Я продолжала смеяться.

– Такую меня ты хотел? Ну, так делай что-нибудь!

Тут я почувствовала толчок со спины.

– Ты что творишь?! – взревели у меня над ухом.

Руку пришлось разжать и повернуться к тому, кто помешал мне. Дилан.

– Не смей трогать меня! – огрызнулась я.

Он проигнорировал мой вызов и наклонился к хрипящему от удушья Захару, помог ему сесть обратно на скамейку и только тогда посмотрел на меня.

– Твоя морда отвратительна в этом платье. Иди прощайся с матерью и сестрой!

Я было хотела броситься на него, но то был уже не гнев, а обида, тем более что завтра я должна сбежать, а это легче сделать, пока мы с Диланом в деревне. Я быстро вернулась в своё обычное обличие и ответила:

– Я никуда не поеду сегодня.

Он молчал некоторое время, снова повернулся ко мне спиной и обратился к Захару:

– Ты как? Что здесь произошло?

– Я... сам... – пытался что-то ответить парень.

– Посиди минуту, потом я отведу тебя в твою комнату. – затем он снова сказал мне. –

Ты ещё здесь?

– Я же сказала, что никуда не поеду!

– Ты чуть не убила человека! А, будущий врач, гордость клана?

– Я себя контролировала.

Он подошёл ко мне ближе, посмотрел презирающим взглядом и вlepил хлётскую пощечину.

– Я сказал: иди прощайся с матерью.

– Можешь ехать, я остаюсь здесь. – не сдавалась я.

Дилан снова отвлекся на Захара, подал ему костыли и помог встать. Я осталась на улице одна. Начали кусать комары. И осознание совершённой ошибки потихоньку дошло до меня. Я села на скамейку, подтянула колени к себе и закрыла их подолом платья, чтобы насекомые кусали не так сильно, и стала ждать.

И вроде всё было ясно: нужно идти на попятную, попросить прощения, свалить вину на гормоны и так далее, но... Я сама додумалась до этой мысли и вынашивала её несколько дней перед тем, как исполнить. Мне и в голову не могло прийти, что я могу покалечить, а то и убить Захара. Не лучше было бы дать ему время самому разобраться со своими чувствами? Я влезла туда, куда не имела права влезать.

Я сидела, противная сама себе, и ждала, постоянно проверяя время на мобильнике. Дилан появился только через полчаса.

– Идём в машину. – скомандовал он.

Я замотала головой, не поднимая её с прикрытых платьем колен.

– Здесь комары. – я осталась сидеть неподвижно. – Хорошо, мы не поедem, просто поговорим. Диана!

Я, наконец, встала, мы сели в автомобиль.

– Зачем ты это сделала?

– Есть вещи, о которых ты не должен знать.

– Тогда какие есть оправдания твоему поступку?

– Прости.

– Я – прости? Человека несколько месяцев держали в тюрьме, пытали, ему только что отняли часть ноги, он с трудом начал приходить в себя!

В носу защекотало, горло онемело, я поджала губы.

– Чем этот влюбленный мальчишка заслужил такое?

– Ты знаешь, что..?

– По-твоему, я слепой? Зачем ты душила его?

– Это глупо.

– А ты озвучь.

– Хотела, чтобы у него больше не было чувств ко мне.

– Дай силу дураку... – он закрыл глаза и шумно вздохнул. – А ты не пробовала просто не лезть к нему? Он сам решит, что и к кому чувствовать.

Я промолчала.

– Ты в себе-то не можешь победить демона, а уже лезешь убивать чужого. Справься сначала со своим, тем более что тебе скоро предстоит стать матерью.

Я снова не проронила ни слова, только виновато шмыгала носом. Мы просто сидели и молчали. На самом деле я готова была сыграть какую угодно роль, чтобы бдительность Дилана притупилась. Мысли о завтрашнем побеге ни на минуту не покидали мою голову.

К счастью, мама не слышала об инциденте, так как суежилась на кухне под включенный телевизор.

– А, пришли! – сказала она, когда мы появились на кухне. – Да, хотела сказать: я постелила вам на чердаке, там сейчас тепло.

– Но там же грязно? – недоверчиво спросила я.

– А ты поднимись и посмотри, мы со Светой постарались, всё привели в порядок. Будете ужинать?

– Да. – ответил Дилан.

Я же постучалась в комнату, бывшую когда-то нашей со Светой, а ныне Захара. Никто не отозвался, поэтому я вошла. Он лежал на не разложенном диване лицом к спинке.

– Захар? – он едва заметно вздрогнул, но не ответил. – Пожалуйста, прости меня?

– Не надо. Я прекрасно понимаю, зачем ты так сделала. Не волнуйся, я не выдам тебя, так что оставь меня в покое. – попросил он.

– Прости. Я плохо владею собой, когда обращаюсь.

– Ты просто уйди.

Я не стала настаивать. Мне и самой нужно было уединиться, чтобы как следует прореветься.

На чердаке оказалось очень даже мило и уютно. Откуда-то появилась двуспальная кровать, железная, широкая, настоящая. Мне было стыдно даже садиться на неё, истерика захватила меня целиком. Всё было настолько плохо, что я уже не знала, как это исправить. Можно ли с данного момента всё повернуть так, чтобы мои самые дорогие люди остались живыми и здоровыми, не покидая меня? «Жертва волк» – вспомнились мне слова призрака. Выходит, Дилан был в курсе, что я собираюсь лететь в Италию, и заранее сделал себе визу, чтобы последовать за мной. Как же успеть убить Филина до прибытия Дилана?

Переживания вымотали меня. Я собрала остатки сил, чтобы принять душ, встала под не успевшую нагреться воду и пыталась смыть с себя негатив.

События этого дня заставили меня сомневаться в том, стоит ли жертвовать ради убийства Филина самым дорогим, что у меня есть.

Не спалось. Уже наступила ночь, а Дилан так и не поднимался наверх. Я решила поискать его: на кухне никого, мама с сестрой уже спят, а из комнаты, где поселился Захар, доносились голоса. Я не стала стучаться, вернулась на чердак. Что-то подсказывало мне, что рюкзак с вещами нужно хорошенько спрятать, мало ли что. Я сняла раму с сеткой с окна и повесила рюкзак под козырек крыши сбоку, так, чтобы его было не видно ни из окна, ни с улицы.

Опасения, что обиженный Захар проговорится Дилану, нагоняли на меня ещё больше тревоги.

«Только бы Захар сдержал слово...» – повторяла я про себя.

Дилан поднялся на чердак в 03:50, и в это время я ещё не спала.

– О чём вы так долго говорили?

– Было о чём. Есть вещи, о которых ты не должна знать. – продекламировал он мои же слова. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – не стала допытываться я.

Проснулась я у Дилана на груди, он ещё спал. Солнце уже начинало печь; под крышей, где мы ночевали, стало душно. Летом мы со Светой очень редко играли здесь, потому что было буквально нечем дышать.

Мама на кухне снова оживленно суежилась, Света и Захар уже встали и завтракали.

– Доброе утро. – сиплым ото сна голосом сказала я.

– Доброе-доброе! Как спалось на новом месте? – откликнулась мама.

– Долго не могла уснуть. Странно себя чувствую.

– Это понятно. Будешь творог или омлет?

– Творог. И омлет. Хочется есть.

Мама рассмеялась и положила мне в тарелку того и другого.

– Мам, ты хоть сядь, посиди...

– Да мне и так неплохо. А Дилана ты ещё не разбудила?

– Нет, он... крепко спит, тоже долго не мог уснуть.

– Понятно. – она выразительно посмотрела на меня, как бы спрашивая, всё ли у нас в порядке, я слегка кивнула. – Ну что, молодежь, что-то мы давно не играли! Кто «за»?

Громких возгласов не последовало, но никто не отказался. Мама расцвела, всё время улыбалась, шутила.

– Мужчины в нашем доме – редкие гости. – говорила она, обращаясь к Захару. – Разве что Дианку с трудом, – она снова выразительно посмотрела на меня, – выдали замуж... Но Дилан, он, как его отец, совсем не любит компании, очень серьезный и занятой.

– Мама, пожалуйста, давай не об этом? – простонала я.

– А что? Тут никакой тайны нет. Ну да ладно, – переключилась она на другую тему, – мы очень рады, что ты приехал к нам, так что будь как дома, не стесняйся спрашивать, если что нужно.

– Спасибо. – неуверенно улыбнулся Захар.

Поиграв со всеми около часа, я поднялась из-за стола, чтобы привести себя в порядок. Странно было, что Дилан до сих пор не вставал. Я почистила зубы, причесалась и поднялась наверх: он уже открыл глаза, но выглядел не выспавшимся.

– Мы тебя разбудили?

– Нет. Сядь рядом.

Я села. Он просто разглядывал меня и долго молчал. Я успела задуматься о чём-то своём, как он нарушил молчание.

– Как ты себя чувствуешь?

– Немного странно: съела на завтрак двойную порцию.

Он улыбнулся. Что-то в его лице начало меняться в последние пару дней, только до этого момента я никак не могла понять, что.

– Ты решил стать бородачом? – как-то само вырвалось у меня.

– А что, не нравится?

– Нет. Ты сам на себя не похож. Лучше сбрей, ты слишком волосатый становишься.

Он усмехнулся.

– Так о чём же вы до утра разговаривали?

– Объяснил ему, что ты – моя женщина и что некрасиво домогаться тебя, передал ему его паспорт...

– Понятно. То-то он сегодня боялся даже посмотреть на меня. Ты будешь вставать или ещё полежишь в постели?

– Хочу отдохнуть. Неделя будет трудная.

«О да, следующая неделя решит всё...» – подумала про себя я, а вслух сказала:

– Ладно, я буду в огороде, если что.

До обеда я на самом деле копошилась с сорняками на грядках, даже пришлось взять детскую табуретку, чтобы от долгого сидения не затекали ноги. С утра Мама насобираала два ведра клубники, а Захар помогал чистить вымытые ягоды на варенье. Света полола траву рядом со мной.

– Вы познакомились в Верхнем Волчке? – поинтересовалась она.

– С кем? С Захаром? Да. Его воспитал один из охотников. Вы уже разговаривали?

– Только несколько фраз, он показался мне стеснительным.

– Последний год был не лучшим в его жизни. Ничего, привыкнет, восстановится, будет прежним.

– Раньше он был другим?

– Если прибавить 20 килограммов, здоровое тело и юношескую наивность, то – да, был другим.

Интерес Светы к персоне Захара меня радовал. Только бы она ничего не испортила. Я запретила себе лезть в личную жизнь близких мне людей, но опять не удержалась от совета:

– Света... у меня к тебе просьба. Так получилось, что родителей Захара убил твой биологический отец. Захар не знает об этом, поэтому пусть никогда и не узнает. – Света кивнула. – Ещё ему нужно будет помочь с переоформлением документов. Дилан нашёл его обгоревший паспорт, в общем, по паспорту, я узнавала, можно восстановить остальные: ИНН, страховое...

– Ладно. – кивнула сестра.

Света старалась не показывать, о чём думает, но у неё, как всегда, получалось плохо. Я же всё время поглядывала на часы: чем ближе, тем тревожней.

За обеденным столом все поместились с трудом, но мама выглядела довольной, ей как будто подарили вторую юность. Столько времени я чувствовала себя здесь чужой, а сегодня вот осознала, что хочу чаще видеться с родными. Да, конечно, ничто уже не могло стать прежним, но за обеденным столом сидели люди, которых я больше всего рада была видеть рядом с собой. Даже Захар, который по нашей обоюдной вине больше не хотел быть моим другом. Все такие разные, закрытые друг от друга, но дорогие мне.

– Кто со мной купаться? – предложила я.

– Дочь, – рассудительно начала мама, – мы-то можем пойти, а Захару пока никак.

Я посмотрела за Захара, как бы намекая, что это тот самый момент, когда он должен помочь мне. Он понял.

– Я не люблю воду. Сейчас читаю интересную книгу, вы идите, мне есть, чем заняться.

– Раз так, что ж... Хорошо, кто предложил, тот моет посуду! – прошептала мама и широко улыбнулась.

– Ну мама... – я изо всех сил пыталась выглядеть веселой, шутить, а у самой сводило челюсть от страха.

Рюкзак с вещами был со мной, руки дрожали. Все уже вышли на улицу, а я зашла напоследок в комнату Захара.

– Спасибо. Шило в прихожей, левая створка шкафа, вторая полка сверху. И...

– Я всё знаю, Диана. – ответили мне.

– Проколи все колёса! Если спросят, ты ничего не знаешь. Надеюсь, ещё увидимся. Пока, Захар...

От дома до ближайшего пляжа было минут пятнадцать спокойной ходьбы. От пляжа до вокзала – примерно столько же, но немного в другую сторону.

Старый купальник был слегка маловат мне. Кто знает, может, я на самом деле уже начала округляться? Вода только усилила дрожь в моем теле, поэтому, поплавав 15 минут, я вылезла из воды и пыталась согреться.

– Больше всех рвалась купаться, а сама! Эх ты! – подначивала меня ничего не подозревающая мама.

– Можно подумать, у тебя во время беременности не было причуд!

– Конечно, были! Они у всех есть...

Наконец, все вылезли из воды.

– Вы ведь останетесь до завтра? Ты помнишь, какой завтра день? – обратилась ко мне мама.

– А... Да уж как тут забудешь. Наверно, останемся, если Дилан не против.

Дилан никак не отреагировал, просто загорал на солнце.

16 часов... 16:30... 17.

Я взяла рюкзак и начала подниматься по камням в кусты, якобы чтобы переодеться, но неловко запнулась и чертыхнулась.

– Диана, ты куда? – послышался голос Дилана.

– Переодеться.

– Переодевайся тут, кого стесняешься?

Я изобразила на лице неловкое выражение и показала, что очень хочу в туалет.

Оказавшись наверху, я не стала переодеваться и, как есть, в одном купальнике, побежала на вокзал, молясь, чтобы не заболел живот.

Я сбежала. Я решилась.

Глава 2

Машина уже стояла, я узнала её сразу, она выделялась среди «Жигулей», на заднем сидении сидела Ирма. Я настолько запыхалась, что, не говоря ни слова, замахала рукой, чтобы водитель скорее трогался.

– Ты купалась?

– Да... – ответила я, всё ещё восстанавливая дыхание. – Надо ехать! Скорей всего, Дилан уже обнаружил, что я сбежала.

– Ты проколола колёса?

– Поручила Захару. Я была под постоянным наблюдением.

Мне не верилось, что мы уже едем. Я переделалась в сухую одежду, поставила телефон в режим полёта, проверила, все ли документы у меня с собой, и немного успокоилась. Оставался небольшой риск, что Дилан каким-то образом успеет в аэропорт до нашего вылета, но я упорно искала доводы против этого.

– Страшно тебе? – спросила Ирма.

– Не за себя. Дилан в курсе о наших планах, он задумал что-то совсем плохое. Надо успеть всё сделать до его прибытия.

– Главное, что бы ни случилось, доверяй мне. – взяв меня за запястье и глядя мне прямо в глаза, сказала Ирма. – Что бы ни случилось! – ещё раз повторила она.

Автомобиль летел быстро, несколько раз водитель вылетал на встречную полосу прямо перед машинами и успевал перестроиться в последний момент.

В аэропорт мы попали как раз к началу регистрации, почти первыми сели в самолет. Ирма была спокойна, как у себя дома. Я уже не первый раз отмечала про себя, что у неё хорошая подготовка.

И, наконец, взлетели. Но отчего-то страх не исчез. Спустя два часа мы приземлились в Шереметьево и там же стали ждать рейса в Рим. За три с лишним часа ожидания дрожь в теле высосала из меня всю накопленную энергию, Ирма заботливо протянула мне минералку. Когда в зале ожидания появлялся кто-то, похожий на Дилана, моё волнение возрастало до боли в груди.

В 2:35 мы уже сели в самолет. Моё волнение немного утихло.

«Всё. Он опоздает. У нас есть в запасе несколько часов...» – подумала я.

– Тебе лучше поспать.

– Сон не идёт...

– Возьми, это травяная таблетка, она не вредная для ребенка. Нам лететь почти 4 часа.

– Спасибо.

Ирма тоже выпила. Через несколько минут я уже спала. А разбудила нас стюардесса, которая просила всех пристегнуть ремни безопасности.

В Риме было на 2 часа меньше времени, чем в Москве. Вылетев в 2:55, мы приземлились в 4:45.

Ирма с кем-то созвонилась, затем взяла меня за руку и повела. Вещей у неё было явно больше, чем у меня, она взяла с собой целый чемодан на колесиках.

– А если он меня не простит?

– Когда всё сделаем, простит. – заверила меня подруга.

– Я чувствую, как ему сейчас плохо. Я обманула его.

– Не волнуйся. – она хотела сказать ещё что-то, но не знала, как сказать какое-то слово, а спрашивать его у меня не стала.

На автостоянке мы сели в машину к человеку по имени Карл, другу Ирмы, тоже вдовцу, который, однако, не был волком. Карл не знал русского языка, все разговоры они вели на немецком языке.

На заднем сидении я была одна, поэтому легла и задремала. Ирма говорила, что от Рима до Неаполя и Сорренто примерно 265 километров, дорога займет не менее четырёх часов. Как же наш путь был растянут во времени... Она показывала мне какие-то достопримечательности, но сон привлекал меня больше. Заторможенность, вызванная таблеткой, ещё действовала. Когда мы приехали, Карл что-то громко объявил. Я увидела, что Ирма тоже дремала.

– Ты как? – в очередной раз поинтересовалась она.

– Нормально.

– Это наш номер. Сейчас еда, душ, потом грим и... ехать.

Надо сказать, что из-за накотившей на меня тошноты я смогла съесть только один банан да выпить стакан воды. Душ немного освежил, только теперь я заметила, что номером Ирма назвала половину коттеджа, в которой было, как я сосчитала, три комнаты на первом этаже и бассейн на заднем дворе.

– Это Сорренто?

– Почти. Сейчас приедет гримёр. Ты будешь Лариса.

У меня живот свело от страха и волнения.

– Может быть, лучше придумать другой план?

– Времени в обрез. Всё будет хорошо. Иди сюда. – она повела меня в комнату, где стоял стол, и разложила нарисованную схему. – Это его дом, здесь отель, здесь бассейн. Ты пойдёшь со стороны отеля и бассейна, там плохой забор, перелезь его и иди сядь на... на... это, у воды. Тебя заметят. Помни: ты – Лариса. Говори с ним, отвлекай. Пока рядом охрана, не нападай. Я пойду с главного входа, убегу охрану, дам тебе знак, потом ты нападёшь.

Идею с рестораном Ирма упразднила: слишком уж мало времени было у нас в распоряжении.

– Если он узнает меня? – с тревогой в голосе спросила я.

– Не узнает. Ты сама себя не узнаешь. Главное, не нападай, пока охрана. Доверяй мне. Всё будет хорошо. – она взяла меня за руку, её ладонь была теплая и сухая, моя же – наоборот. – Говори с ним тихо, как Лариса. – затем она указала на мой гипс. – Надо снять.

– Это обязательно?

Ирма кивнула и велела Карлу где-нибудь отыскать пилу, неважно уже, какую. Время растянулось дольше, чем было запланировано.

Гримёр привёз с собой мой новый костюм, заставил меня влезть в него (это было голубое ситцевое платье в горошек и кожаные сандалии в тон платью). Волосы выпрямили, подстригли и собрали их в хвостик на затылке, как это когда-то делала Лариса. Когда закончили с гримом, в зеркале на меня смотрела другая девушка. Пришлось снять обручальное кольцо, которое на время травмы кисти я перевесила на левую руку, и оставить его Ирме.

Да, на месте Филина я бы сошла с ума при виде давно умершей невесты. Правда, оставались опасения, что от сильной жары грим потечёт, но меня заверили в обратном.

Достали откуда-то пилу с маленькими зубьями, распилили пластиковый гипс, сняли, кожа под ним оказалась деформированной. Некрасиво. Времени в запасе уже не было, решили всё оставить как есть.

В полдень мы выехали. День был солнечный и жаркий. Меня высадили возле отеля, и я пошла. До участка дома Филина было около двухсот метров. Забор, о котором говорила Ирма, оказался обычной пластиковой сеткой рабицей, натянутой между пальмами. Я без труда пролезла. Не Россия.

Я обогнула цветочную клумбу, во дворе никого не было. На стене террасы висели две камеры. Честно сказать, я растерялась и совершенно не чувствовала себя той, в кого меня нарядили. Мой план был бы совершенно другим, а сейчас я толком и не понимала, что делаю.

Чтобы войти в дом, нужно было сначала подняться на террасу. Наверху был бассейн. Я не стала садиться на шезлонг, как велела Ирма, а просто прошла вдоль бассейна, вглядываясь в зеркальную стену дома, затем, никого не дождавшись, вошла внутрь.

Руки мои дрожали, интуиция просто кричала бежать прочь, но я, как обычно, понадеялась на удачу.

Это была кухня, больше похожая на прилавок бара. За бокалом какого-то напитка сидел Филин, один.

– Здравствуй. – тихим и подрагивающим голосом произнесла я.

Моя будущая жертва скорчила гримасу отвращения.

– Раньше ты не любил роскошь... – я старалась импровизировать.

– Ты ещё кто? – спросил он так, словно я даже близко не напоминала его умершую невесту.

– Я пришла за тобой. – мой голос звучал приглушённо, специально, чтобы старик не понял, кто перед ним, хотя что-то мне подсказывало, что идея заведомо провальная.

– Она мертва! Ты жалкая самозванка! – прохрипел Филин.

Теперь уже в его глазах читался страх, видно было, что моё появление всё-таки задело его за живое. Возможно, Филин даже хотел бы, чтобы это действительно оказалась Лариса, но, всюду окружённый врагами, он не верил чуду.

Я сделала два шага к нему.

– Не... – он выставил одну ладонь вперёд, а другая исчезла в кармане брюк.

Ещё мгновение – и мои клыки лягнули возле его шеи, но внезапно все мои мышцы пронзила острая боль и я свалилась на пол.

Корчась на полу, я не могла совладать с телом и понять, что происходит, словно кто-то замедлил мои мысли, как в плохом сне. Потом боль повторилась ещё раз, и остатки сознания покинули меня. Эту битву я проиграла.

Очнулась я привязанной к стулу скотчем. В кухне было полно народу, Филин был в ярости и кричал на кого-то, размахивая руками, его лицо всё время то теряло, то обретало человеческие черты. Заметив, что я прихожу в себя, он набросился на меня и полоснул когтями по лицу. Моё ватное сознание чувствовало не боль, а только лишь тепло от стекающих по щеке капель.

Потом появилась Ирма, я подняла голову и пыталась сфокусировать взгляд на ней, голову мотало из стороны в сторону. Я никак не могла понять, что здесь происходит, почему охрана её не трогает...

– Ты просил привести – я её привела! Меня больше не касается! – чётко расслышала я голос Ирмы.

– Приказывал! Ты насмеяться надо мной вздумала? Думала, старик спятит, увидев дешёвый грим? – он выдержал небольшую паузу. – Ты знаешь, что делать.

– Я сказала: это было последнее, что я сделала для тебя. – стояла на своём Ирма. – Я свободна!

– Хорошо, – резко сменил он тон на приторно ласковый и кивнул охране. – Убейте её.
– Нет-нет-нет! – Ирма вытянула руки вперед, как бы отгораживаясь от направленного на неё оружия.

Филин снова кивнул, но на этот раз в мою сторону. Она подошла и схватила меня за волосы.

– Предательница... – прошипела я.

«Доверяй» – внезапно вспомнился мне отрывок из разговора с призраком.

Ирма слегка подмигнула мне.

– Живее, мне нужна её голова!

– И что мне делать с её телом? – мне стало ясно, что Ирма тянет время.

– Меня это не заботит. – прорычал Филин.

Ирма встала за моей спиной и прижала к моему горлу нож. Сзади её колено подталкивало меня, как бы призывая окончательно очнуться.

Лезвие прорезало мою кожу.

– Стой! Хе-хе, на пару слов... – он приблизился к моему лицу вплотную и начал говорить, от избытка эмоций брызгая на меня слюной. – Как тебе электрошокер? Хорошая штука, правда? Я всё время ношу его с собой. А главное – он надолго убивает в тебе зверя...

«Что, на себе пробовал?» – пронеслось у меня в мыслях.

Ирма, стоявшая рядом с наклонившимся ко мне стариком, выхватила электрошокер из его кармана и ударила, с гневом выкрикивая что-то на родном языке и одновременно превращаясь. Филин обмяк и повалился на меня, опрокинув меня вместе со стулом на пол. Падение пришлось на связанные за спиной руки, я взвыла от боли, но поняла, что начинаю отходить от ступора.

Прозвучало несколько выстрелов, затем ещё, но уже где-то в другой части дома. Я изо всех сил пыталась озвереть, но получилось только перекатиться набок и скинуть с себя тушу Филина. Теперь мне стало видно, что происходит в комнате: двое охранников лежат на полу, – видимо, тоже ударенные током, трое пытаются справиться с Ирмой. Она выкрикнула только моё имя, но я поняла, что ей нужна моя помощь. Бой шёл неравный.

Я зарычала, изо всех сил пытаюсь высвободить руки – никакого результата: клыки не росли, когти не появлялись. Ворочаясь и видя сквозь растрепавшиеся волосы, как один из охранников выстрелил и попал Ирме в предплечье, я заревела от бессилия и закричала. На долю секунды все замерли, потом охранники, один за другим, упали. Черная тень с чем-то вроде ножа в руке скользнула от них ко мне. Обессиленная Ирма, уже принявшая человеческий облик, издала невнятный вопль и в два прыжка оказалась рядом, но тут же замерла на месте. Нож разрезал скотч, меня подняли вместе со стулом. Оборотень в маске сел передо мной и посмотрел мне в глаза.

– Ещё живой. – он протянул мне нож. – На.

И тут мне стало понятно, кто стал свидетелем нашего провала. Захотелось рассеяться, настолько меня захватило чувство вины. Я старалась смотреть куда угодно, только не на своего спасителя. Обстановка вокруг явно отличалась от той, что я себе представляла раньше.

У дальней стены издавал последние хрипы человек с перерезанным горлом, а тот, кто был моей главной мишенью, лежал беззащитный на полу и ждал, когда его добьют.

Дилан повторил:

– Бери нож!

Оцепенение потихоньку начало сходить с меня, отчасти оттого, что голос Дилана звучал необыкновенно грубо. В тот момент я была противна даже самой себе, понимая, что пришло время расплаты за свои ошибки.

– Не надо. – ответила, наконец, я.

Встать оказалось тяжелее, чем я думала. Филин уже начинал ворочаться. Я подползла к нему и больной рукой обвилась вокруг его шеи, а здоровой – пыталась сломать позвоночник.

Старик закричал, при этом умудряясь смеяться, словно я тем самым только делаю ему одолжение и мне всё равно никогда его не победить.

В человеческой ипостаси свернуть человеку шею оказалось необычайно сложно. Всё моё тело задрожало от напряжения, а когда позвонки его шеи хрустнули, я в истерике начала барабанить по его лицу кулаками, пока меня не оттащили. Мне казалось, что даже мёртвый он способен на очередное извращение.

Ирма залила тела напитком, который пил Филин, и подошла. Сработала пожарная сигнализация, но её практически моментально отключили.

Мы поспешно убрались из дома. На лестнице и в коридоре лежали тела – много тел, я старалась ступать там, где нет крови.

«Как Дилану удалось убить их всех?» – не могла понять я.

Когда мы сели в автомобиль, Карл сначала запаниковал, куда-то потянулся, Ирме пришлось выкрикнуть ему что-то резкое, но и тут он не сильно успокоился.

– Диана, подай аптечку, она сзади. – попросила она.

– Тебе перевязать рану? – предложила я.

– Я сама. Кость не задета.

Карл что-то затарабанил на своём, но уже обращаясь ко мне и кивая на Дилана. Ирма перевела:

– Он просит... – Дилан снял маску. – снять, да.

Наконец, мы тронулись. Всё сделано, все живы. Моя душа начала потихоньку успокаиваться. Я виноватыми глазами посмотрела на Дилана, он всё ещё не восстановил человеческий облик.

– Почему ты всё ещё... – я не могла подобрать слово. – Откуда ты... – он не ответил, повисло молчание. – Почему никто мне не отвечает?

– Это концентрированный гормон. – сказала Ирма по-прежнему чётким, но уже не громким голосом.

– И когда он перестанет действовать?

– Его кололи... – начала было объяснять она, но не успела.

– Заткнись! – зарычал на неё Дилан.

– ...смертникам. – всё-таки завершила Ирма.

– Не лезь не в своё дело!

– Тогда скажи сам! – с обидой в голосе огрызнулась она.

– Я ничего не понимаю! Объясните кто-нибудь, что происходит? – умоляющим голосом попросила я.

Он набросился на меня с таким рыком, что у меня зазвенело в ушах, я закрыла голову руками и прижалась разодранной щекой к дверце автомобиля. Дилан был настолько зол, что вполне мог изуродовать и вторую половину моего лица.

Машина вильнула. Снова вмешалась Ирма.

– Не трогай её! – голос у неё на этот раз был взволнованным. Как ни странно, Дилан тут же сел на своё место. – Лучше попрощайтесь.

Я убрала руки от лица. В груди были такие ощущения, как будто туда зашили бульжник, стало трудно дышать. Мне было непонятно: почему прощаться? Он был жив-здоров и полон сил, как он может умереть?

– Что значит: попрощайтесь? – я в упор посмотрела на Дилана. – А?

– Это смертельная доза гормона. – процедил Дилан.

Я поняла, что больше не хочу жить. Все прошлые беды показались мне весёлым ребячеством, после такого уже ничего не могло случиться.

«Это тело не должно жить, оно не выдержит груза вины...» – закрывая глаза, я просила прощения у Дилана и нашего не родившегося ребенка.

– Дай ей воды! – слышался голос Ирмы.

Я хотела уйти скорее, чтобы никто не смог меня вернуть, но кошмар повторился. На самом деле прошла какая-то, может быть, минута.

– Почти приехали. – сказала мне Ирма.

До номера я дошла сама. Мне вообще казалось, что я иду одна.

Моя жизнь менялась стремительно, выбора больше не оставалось, кроме как терпеть последствия собственных же глупостей. Я осознавала, что самое страшное ждёт нас впереди, и на него уже никак существенно не повлиять.

Ирма заперлась в ванной комнате, Карл то стоял под дверью, то бегал по всему дому. Мне было велено умыться лицо и залепить пластырем порез на щеке.

Когда я закончила приводить себя в порядок, мы с Диланом вышли на веранду.

– И ты ничего не скажешь? – первой начала я. Ощущение ускользающего времени начало доходить до меня.

– А что ты хочешь услышать? – прозвучал грубый ответ.

Я задумалась на несколько секунд.

– Что это как-то можно исправить...

– Ты получила, чего хотела. – прорычал он уже менее агрессивно.

– Как ты мог сознательно вколоть себе яд?

– Сейчас и ты, и твоя полужнакомая подруга были бы уже мертвы.

Я выдохнула, мне нечего было возразить. Некоторое время мы стояли, как двое подростков, которые стесняются подойти друг к другу.

– Ты стоишь передо мной такой... здоровый! – сказала я, робко поднимая на него взгляд. – Неужели ничего нельзя сделать?

– А ну хватит! – его глаза снова стали безумными от ярости, но он тут же усмирил себя и шумно выдохнул. – С днём рождения, Диана. Я хотел сделать тебе другой подарок, но этот оказался дороже.

Я так привыкла реветь, когда что-то потрясает меня, но сейчас не хотелось. Не перед кем капризничать и выпрашивать, чтобы было по-моему. Голова снова закружилась и я прилагала усилия, чтобы не свалиться в обморок.

– Я готова, надо ехать. – объявила Ирма, появившись в дверях.

– Ирма... – простонала я.

– Диана, думай о ребёнке, успокойся. – сказала она, заметив, в каком я состоянии.

– Ничего ведь не происходит... может, всё наладится? Пожалуйста, скажи, что всё ещё можно исправить!?

– Я сожалею. Это происходит. Можно дать ему стать зверем, но только в этом мире он жить не сможет.

– То есть он не умрёт? – с надеждой переспросила я.

– Не забивай ей голову, Ирма. – в этот раз в голосе Дилана почти не было агрессии.

– А? – она не сразу поняла, что значит «не забивай голову». – А... Я не знаю... Может быть, если успеем... Это очень больно.

– Если это яд, должно же быть противоядие? Ирма, ну хоть ты скажи, что можно сделать?

– Антигормон есть... Он сделан для того, чтобы в крови не осталось следов, но он не вылечивает. Никто не выжил. – она сделала короткую паузу. – Пора!

Пока ехали в аэропорт, Дилан едва заметно начал меняться. Отросшая щетина скрывала звериные черты, только теперь я поняла, почему он перестал бриться. Я взяла его руку и вместе со своей положила ему на колено.

– Дилан?

– М?

– Я знаю, ты зол на меня и глупо это говорить... Прости меня.

– Береги себя и ребёнка. – прозвучало мне в ответ.

Я кивнула.

Он нашёл в себе силы сказать:

– Иди сюда. Я пока в состоянии контролировать себя. Как ты?

– Ничего. Я ничего... – сиплым от эмоциональной боли в груди голосом ответила я.

Один вопрос не давал мне покоя:

– Дилан, почему ты был там один?

– Ты пошла на преступление. Если бы о вашем с Ирмой плане узнали в службе, после рождения ребёнка тебя казнили бы. – меня снова затрясло. Дилан это заметил и продолжил. – Перестань, родная, я же твой верный пёс. К тому же казнь мне теперь не страшна. – он ещё пытался шутить в такой ситуации.

До аэропорта доехали без происшествий, прошли регистрацию. Ирма попрощалась с Карлом, он тоже полетел, но уже к себе на родину.

– Нужно выпить тебе снотворного. – предложила Ирма Дилану.

– Не нужно. – отмахнулся тот.

– Это не совет. Мы не успеем долететь до Москвы. У тебя начнут ломаться кости. Надо замедлить обмен веществ, снизить температуру... и снять боль. – она поняла, что он готов согласиться, и для пущей убедительности добавила. – Я уже видела, как это.

Дилан кивнул и взял таблетку. Мы попросили у стюардессы мешочек льда и положили его Дилану на ключицу, он уснул.

– Ирма... – обречённо простонала я.

– У вас есть время побыть вместе. У меня такого не было... – грустно улыбнулась она.

Я опустила взгляд и сглотнула слюну.

Где-то на последнем часе полета у Дилана начались боли, в первом классе с нами летело всего несколько человек, но и они стали оглядываться на нас, пару раз подходила стюардесса, спрашивала, всё ли в порядке с этим мужчиной. Я сказала, что ему просто снится плохой сон. Ирма запретила будить его до приземления, потому что во сне боль переносится легче.

Наконец, приземлились в Москве. Проснувшись, он скорчился и застонал.

– Вставай, ещё есть время. Идём. Старайся потерпеть, пока мы в аэропорту. – внушала ему Ирма.

Из зоны посадки вышли благополучно, но в зале ожидания он сел и отказался идти дальше, его глаза стали стеклянными, как у пьяного человека, вены на лбу вздулись.

Ирма побежала узнавать, когда ближайший рейс в Краснодар, а вернувшись, сказала, что через 4 часа.

– Ждать нельзя. – подытожила Ирма. – Он не перенесёт. Дилан, звони в лабораторию.

– Но сейчас же ночь? – зачем-то возразила я.

Он достал мобильный, но выронил, пальцы перестали слушаться.

– Ничего страшного. Я позвоню. – попыталась помочь я. – Как зовут человека?

– Ярослав Яшин. – невнятно ответили мне.

Я набрала номер. Гудки шли за гудками, никто не взял трубку. Я заткнула одно ухо, потому что в зале было слишком шумно, набрала ещё раз, а потом ещё и ещё – нет ответа.

– Такси не поедет так далеко... – еле слышно заключила я, но тут телефон зазвонил у меня в руке.

– Слушаю, звонил? – послышался голос из трубки.

– Здравствуйте, меня зовут Диана, у Дилана проблемы, надо срочно отвезти его домой, мы в Шереметьево, нужна машина.

– Большая, где холодно. – добавила Ирма, и я догадалась, что она имела в виду

- Желательно фургон с холодильником. – скомандовала я.
- Сожалею, но поздно уже, да и где я вам достану ночью машину?
- Значит так: либо ты спасаешь моего мужа, либо я найду тебя и раздеру твою глотку!
- А, понял.
- Через полчаса чтобы был фургон и ты за рулём.

Я отключила разговор.

– Диана... он не умеет водить. – с кривой улыбкой выдавил из себя Дилан. Он был весь напряжен, одежда и волосы намокли от пота.

– У нас нет другого выхода, он приедет. Чем помочь тебе?

– Положи ладонь мне на лоб... – я сделала, что он просил. – Вот так...

Мы вывели его на улицу, прохладный порывистый ветер немного освежил нас.

Спустя 20 минут я снова набрала номер Ярослава:

– И где фургон? – закричала я в трубку.

– А... я...

– Я знаю, что ты не умеешь водить, где фургон, я тебя спрашиваю?

– Мой брат развозит мороженое мясо, сейчас он заедет за мной, и мы будем, как сможем.

Я сочла эту новость несказанным везением.

В итоге мы выехали ещё через час. Это была какая-то ржавая газелька, нам пришлось залезть в кузов, который одновременно был и холодильной установкой. Водитель подал нам один ватник на троих, коврики с сидений и сказал, что больше ничего тёплого нет.

Из удобств у нас был тусклый подмигивающий светильник да стопка пластиковых продуктовых ящичков. Внутри холодильника стоял крепкий запах сырого мороженого мяса, на полу багровели кровавые разводы. Но неласковые условия были мелочью, лишь бы успеть добраться до Верхнего Волчка живыми. Мы надели на себя всю одежду, какую только нашли в сумках-рюкзаках.

Я велела химику Ярославу ехать с нами, мои нервы напряглись настолько, что я почти готова была превратиться и разорвать его.

– Вот, у меня есть кое-что, это последняя разработка, но она только немного замедлит процесс и уменьшит боль.

– Коли! – решительно скомандовала я.

– Диана, это может быть опасно. – остановила меня Ирма.

– Я не хочу вас расстраивать, – Ярослав поднял ладони перед собой, – но он укололся более двенадцати часов назад, он умрёт от боли, если не вколоть.

Химик сделал инъекцию, вскоре Дилан затих, мне даже показалось, что волчьи черты стали вновь меняться на человеческие, но прошло немного времени и он снова начал корчиться от боли.

Ясно было, что даже за 15 часов мы не доберёмся, газель эта не разогонялась более чем до ста километров в час. На заправках мы вылезали из холодильника, но мне было страшно пропустить даже минуту из нашего совместного времени. Дилан был весь покрыт холодным липким потом, тело разбивала крупная дрожь, стоять или сидеть он уже не мог.

– Диана, набери отца. – попросил Дилан.

Теперь его слова звучали нечётко из-за холода и физиологических изменений.

– Ты уверен?

– Да! – неожиданно злобно зарычал он.

Я послушалась. В разговоре он просил отца заботиться обо мне и внуке и проследить, чтобы я доучилась. Седой задавал какие-то вопросы, Дилан ответил:

– Кажется, я умираю, отец. Прощай. – он отшвырнул трубку, та разлетелась на запчасти.

– Дилан, ты справишься, мы успеем, потерпи ещё немного. – попыталась приободрить его я, но вышло как-то жалко.

Вскоре превращение вновь обострилось: Дилан скрючивался и выгибался в неестественных позах, выл, всхлипывал, царапал пол, кусал собственные руки. Взгляд его обезумел от боли. Иногда его сознание прояснялось и он старался отползти от нас с Ирмой подальше и повернуться спиной. Напрасно, происходящего это не меняло, мне не нужно было видеть, я и так знала, что всё хуже некуда.

Меня охватил ужас. Это было чудовищное зрелище, страшнее любых пыток. Мне хотелось взять на себя хотя бы часть боли своего любимого, но ничем уже нельзя было помочь. Я следила за агонией, в которой бился Дилан, и уже готова была прекратить его страдания одним смертельным уколом.

– Ирма... – позвала я. – Так нельзя. Он слишком мучается...

Та отрицательно покачала головой.

– Ты потом не простишь себе этот упущенный шанс. Мы должны верить, что он справится.

Кончилась ночь, кончилось утро. Звуки, которые издавал Дилан, перестали быть членораздельными. Временами остатки сознания покидали тело Дилана, и он затихал на несколько минут.

Все замёрзли. Время от времени водитель отключал рефрижератор, затем снова включал. Часть дороги Ярослав ехал с братом, а на подъезде к Краснодару Ирма уговорила меня пересест в кабину. Я боялась, что Дилан замёрзнет. Больше он не катался по полу и не выл, и лишь изредка его тело сотрясали судороги.

Решили не заезжать в город, я всё время торопила водителя. Было уже темно, ночь, когда мы оказались в Нижнем Волчке, теперь по убитой дороге мы еле-еле плелись к Волчьей горе.

Я чувствовала, как с каждым ударом сердца кровь приливает к лицу. Почти на месте.

– Не, ребята, там обрыв, я туда не поеду. – заключил водитель.

Мой больной кулак мгновенно врезался ему в нос, а ногой я нащупала педаль газа, и машина с разгона улетела с обрыва.

– А... а-а-а... а-а-а! – в панике закричал водитель.

Приехали.

Мы выскочили из кабины, дрожащими руками я открыла дверь.

– Дилан! Дилан! Как он?

– Он перестал дышать, мы не успели. – шёпотом произнёс химик.

Я превратилась. Полностью. Сначала было подалась в угол, куда забился Ярослав, потом посмотрела на тело Дилана и завывала. Схватившись зубами за ворот свитера, я вытащила его из холодильника на землю.

В одну минуту его кожа покрылась шерстью, а скелет стал волчьим. Носом я толкала его шею и скулила. Вдруг он фыркнул, мотнул головой, зашевелил лапами, путаясь в неснятой одежде. Избавившись от пут, он попытался встать, но с первого раза не смог. Когда у него, наконец, получилось, он встряхнул головой и, шатаясь, пошёл прочь, я – за ним. Так мы углубились в лесную чащу, как можно дальше от людей.

Я задрала русака и принесла ему, время до утра мы провели вместе. После пережитого это было почти счастьем. Но утром я проснулась человеком, мой желудок отверг съеденное сырое мясо, а Дилан, по-прежнему в волчьей шкуре, прогнал меня.

Глава 3

На месте остановки газели давно никого не было. Похоже, они уехали не далее, как через полчаса после нашего ухода. Оба брата-москвича были слабенькими очкастыми тридцатилетними волчатами, которые и быть-то не бывали в Верхнем Волчке, или если только давным-давно, в юности, для первого и последнего в их жизни превращения. Насколько я поняла,

они сидели на транквилизаторах и стыдились того, что обладают волчьим геном. Серые мыши клана.

Я оделась и прыгнула в обрыв, долго плелась до деревни, ощущая то, о чём в прошлые два дня не было времени подумать: усталость, голод, ноющая боль в щеке и не успевшей зажить повреждённой руке. Ныл живот, ноги еле плелись, постоянно запинались за лежащий на дороге щебень.

Дома меня встретили мама, Ирма и Захар. Мама бросилась меня ощупывать.

– Дочь, слава богу, ты жива! Ирма всё рассказала мне.

– Он жив, жив... – выдохнула я.

Захар удалился первым, а мама поддерживала меня под локоть, помогая подняться по лестнице, будто я сама была не в силах это сделать.

Будучи с ног до головы в пыли и поту, я не стала мыться, а выпила стакан воды, упала на кровать и мгновенно уснула без снов.

Не знаю, сколько продлился мой сон, и сколько бы я ещё проспала, не разбуди меня крики. Последний, кого я хотела бы сейчас видеть, стащил меня с кровати, ухватив за много-страдальную больную руку.

– Отвечай, гадина, где мой сын? – с явно читающейся ненавистью в голосе вопрошал Седой.

Первым моим порывом было ударить его, но в этот раз, как и в прошлый, я была застигнута врасплох.

– В Верхнем Волчке. Он жив. – ответила я.

Седой на секунду смутился, не понимая, вру я или нет, но, вспомнив вчерашний разговор с Диланом, решил первое, схватил меня за предплечье и грубо притянул к себе. Я попыталась вырваться, но не смогла, а гормоны уже начали процесс превращения. Мгновение спустя я стояла за его спиной.

– Отвечай, что с ним? – ни капли не испугался отец Дилана.

– Теперь он волк. – ответила я. Владимир Александрович слегка наклонил голову, как бы показывая, что ждёт продолжения. – Он вколол смертельную дозу концентрированного гена.

– Дальше?

– Это всё.

Старик сел на мою кровать.

– Пошла вон!

Я сделала несколько шагов к дверям, но там и остановилась.

– Тварь! Тварь! Тварь! Ты лишила меня сына! Из-за тебя он умер! Хуже, чем умер! Лучше бы умер... Проклятая тварь! Я проклинаю тебя! Я уничтожу тебя!

– Не спешите. У вас будет внук. Дилан вчера...

– Не смей даже произносить его имени!

Он встал с кровати и, как всегда, высоко держа голову, пошёл, толкнув меня в дверях. Мама была внизу, она и раньше боялась Седого, поэтому не стала вмешиваться.

Незванный гость ушёл, а тягостное ощущение после его визита осталось. Я ещё не успела подумать, как буду с Диланом теперь, я просто была счастлива оттого, что он жив. Что значит фраза: «Лучше бы он умер»?

Спустившись вниз, я руками запихала в себя первую попавшуюся еду, найденную в холодильнике, и снова собралась в Верхний Волчок, но на шум явились мама и Ирма.

– Как ты? – спросила Ирма.

– Мне пора. – всё ещё погружённая в собственные мысли ответила я.

– Диана, посмотри на себя, ты вся на нервах, тебе в таком состоянии никуда нельзя идти. Подумай о ребёнке! – поучительным тоном отчеканила мама. – Сходи в душ, я включила водонагреватель. И поешь нормально!

Сил спорить у меня не было. В этот день я так никуда и не пошла, мама с Ирмой делали всё, чтобы отвлечь меня.

Вечером с работы пришла Света. После ужина каждый занялся своими делами, а я зашла к Захару.

– Привет. – начала я. – Теперь тебе больше некого бояться.

– Ты жестокая. – сказал он, осуждающе глядя на меня. Очередной человек, стремящийся показать, насколько я ошибалась в своих попытках одержать победу.

Было такое чувство, что теперь весь мир обернётся против меня, и чем больше ударов я пропущу, тем сложнее потом будет выкарабкаться. Единственное, что мне оставалось, это защищаться.

– Не ты ли жаждал мести?

– Я видел в окно, как он прибежал. Ты вот так просто обманула его, предала... И ради чего? Я понял, что ты – это всё для него, – Захар сделал короткую паузу, – хоть и не стоишь этого. Я проколол только одно колесо. Он быстро заменил его и уехал. Мне хотелось, чтобы он успел остановить тебя.

Я не стала объяснять ему, что это уже не имеет никакого значения; есть вещи, о которых лучше забыть. Просто страшно было подумать, как всё сложилось бы иначе.

– В тебе говорит обида.

– Нет. Всё, что с тобой случилось, ты получила по заслугам. Из-за тебя погибло много людей, а ты всё не угомонишься. Теперь и ты заплатила слишком высокую цену за смерть Филина.

«А ты? Тоже заслужил свои несчастья?» – пронеслось в моей голове, но так как этот вопрос вызвал бы у Захара истерику, я промолчала. В конце концов, то хорошее, что он сделал для меня, перевешивало остальное, пока ещё.

– Я тут подумал... Ну, остался бы Филин жить, что с того? Он уехал в самую Италию явно не для того, чтобы продолжать убивать нас. Он сам устал и хотел красиво пожить на старости лет. Ты потеряла мужа и не получила взамен ни-че-го.

– Ты не прав. Ты не знал, что за человек Филин.

– Я тебя поздравляю, ты – достойная смена ему. – усмехнулся Захар.

Я молча повернулась и вышла. Как круто изменились мои отношения с Захаром... Вроде бы есть логика в его суждениях, но... но... слишком смело он берётся судить чужие ошибки, когда всё уже необратимо случилось.

Собственно, мне хотелось сейчас только к одному... человеку.

На чердаке меня ждала Ирма, весь день она не говорила со мной ни о чём личном и, видимо, сейчас собиралась.

– Диана...

– Столько всего, а я даже не знаю, что сказать. – призналась я.

– Он жив. Это главное. Мы успели.

– Да. Был момент, когда я подумала, что ты с ними заодно. Но, как бы то ни было, я не знаю теперь, как тебя отблагодарить. Если бы не ты...

– Не надо, всё хорошо. Я хотела сказать, что мне пора домой. Моя миссия – всё. Я хочу, чтобы ты приехала ко мне в гости, познакомилась с моим сыном. Жду тебя, когда захочешь.

– Спасибо, с радостью. – грустно улыбнулась я.

– Я собрала телефон Дилана. Возьми. – она подала мне смартфон с треснувшим экраном. – Утром поеду. Ты держись. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

– Диана... звони Ярославу. Надежды мало, но есть шанс... Есть средство, один был жив, но – кома, он не пришёл в себя. Они работают. Дорого, но может быть. Ты понимаешь?

– Да.

- Это хорошо, да? Есть шанс!
- Да, да...
- Не грусти. Доброй ночи. Я люблю тебя.

Утром я проводила подругу до вокзала. У меня было такое чувство, что я обрела ещё одну старшую сестру, мудрую и заботливую.

Я же решила остаться пока в Нижнем Волчке, а если быть более точной, – в Верхнем. Мама со Светой ушли на работу, так что моим затеям некому было помешать.

В сарае у меня стоял старый велосипед. Ещё в пору моей ранней юности мы втроем с мамой и Светой купили по велосипеду, чтобы ездить на дискотеки в соседние деревни. Сейчас пользовались только одним велосипедом, и то изредка. Я решила его взять (это оказался мамин, у остальных были спущены колеса, а насос где-то потерялся, долго искать).

Всё время, пока я копошилась, собирая вещи и вытаскивая из сарайки велосипед, Захар сидел у себя в комнате, даже не пытаясь заговорить со мной или как-то показать, что не обижается на меня.

Снова набрался полный рюкзак вещей. Велосипед значительно облегчил и ускорил путь до бывшей охотничьей деревни, правда, в горку приходилось катить его рядом с собой.

За сто метров до обрыва я решила разогнаться, чтобы влететь в бывшую деревню на скорости, но забыла, что почва там каменистая, поэтому велосипед приземлился отдельно от меня. Всё обошлось без травм в этот раз, но я решила больше так не рисковать.

В светлое время суток этот маленький мирок выглядел совсем уныло. И хоть тела погибших давно убрали, воронки от взрывов напоминали о том, что произошло. Только бревенчатые домики, стоявшие немного поодаль, остались почти не тронутыми. Мне в голову закрадась идея: поселиться в одном из них. Раз я могу в любой момент обратиться волком, а мой муж здесь, то и моё место рядом с ним. Немного по-первобытному, но ведь я сама довела нас до такого.

Первая избушка, уцелевшая после пожара и военных действий, похоже, была местной «питийной», вся залитая пивом и мочой – жуть. Вторая – Захара, я обошла её стороной. В итоге я нашла почти новый домик, которого ещё не было, когда я последний раз сбежала в Верхний Волчок и жила у Захара. Внутри оказалась печка, грубо сколоченный деревянный стол и такая же примитивная кровать возле стены. Больше ничего: ни удобств, ни бани, ни тряпок. Скорей всего, здесь ещё никто не успел пожить.

К обеду я пожалела, что не взяла с собой еды. Живот просто сторал от голода. Я настолько привыкла к шаговой доступности магазинов, что не знала, как теперь быть. Желудок упорно отказывался принимать сырое мясо. Может быть, это из-за беременности? Или с непривычки?

С голодным желудком я уже в волчьем обличии побежала искать мужа, но то ли лес стал больше, то ли Дилан не желал меня видеть. Когда стемнело и сил осталось только на обратную дорогу, я собралась ехать домой.

Следующую неделю я ежедневно ездила в Верхний Волчок, собирала всякие нужные, на мой взгляд, вещи и таскала их в дом. Домик был маленький: крошечный предбанник и комната примерно три на четыре. В итоге у меня появилось несколько более-менее приличных одеял, пара подушек, тюфяк, старенькая занавеска на окно, кастрюля, шампуры, два табурета, скамейка, тарелки, ложки, ножи, топор, ведро с веревкой и черпаком, пара ватников, валенки и некоторые другие мелочи. Это всё показалось мне неплохим богатством, но касательно еды я ещё не нашла решения.

Я предупредила маму, что съезжаю, чтобы быть ближе к своему мужу. Мама возражала, говорила, что Дилан не позволит мне сделать такое, и надо в первую очередь заботиться о будущем ребёнке. Меня, как обычно, было не переубедить.

Немного восстановив силы, я снова направилась на поиски Дилана. То ли в этот раз он не прятался, то ли я была более сосредоточена, но мы, наконец, встретились. Была только одна проблема: я плохо помнила себя в волчьем облике, – только в общих чертах, и Дилан, скорей всего, тоже.

Несколько ночей я не превращалась в человека: никогда ещё я не была зверем так долго, но главное – это то, что мы были вместе. Пока я была волком, мой желудок принимал сырое мясо, самочувствие нормализовалось, а в голову не лезли мысли, совершенно никакие.

Но спустя несколько дней из волчьей шкуры меня будто бы выбросило, я оказалась голая прямо посреди леса. Мне удалось снова превратиться и показать Дилану домик, облюбованный мной.

Так мы стали первыми жителями охотничьей деревни после прогремевшей в ней войны.

Целый месяц я почти не принимала облик человека, это было самое беззаботное время, какое только могла дать мне моя безумная жизнь. Целый месяц кроме физиологических потребностей мне ничего не было нужно, я просто ни о чём не думала, пока, наконец, не произошло то, что заставило меня вернуться в собственный разум.

Однажды утром мы проснулись людьми. Когда я открыла глаза, Дилан ещё мирно сопел, я прижалась к нему и, не в силах подавить ликование, начала скользить губами по его плечам, шее и лицу. Он вздрогнул и некоторое время приходил в себя.

Я смеялась и плакала.

– Диана... – он крепко прижал меня к себе.

Утро мы провели на нашем ложе из зеленого мха под открытым небом, пока, наконец, я не решилась заговорить.

– Ты поправился, прямо почти толстяк. – заметила я.

Нет, разумеется, моё заявление было лишь шуткой, просто кое-кто заматерел, и это только добавляло ему привлекательности в моих глазах. Наверное, скачок гормонов повлёк за собой столь заметные изменения. Никогда ещё не видела Дилана таким. Словно нам дали шанс познакомиться заново.

– Ты на себя посмотри! – сказал он с довольной улыбкой и озорным огоньком во взгляде, которого я раньше не замечала.

Я уставилась на свой живот: он на самом деле подрост, хотя я снова чувствовала такой голод, как будто у меня чёрная дыра вместо желудка. Подурочившись ещё немного, мы решили вернуться в Нижний Волчок, чтобы опустошить мамин холодильник.

Мы рассудили, что превращаться обратно в волков не будем, поэтому до охотничьей избы добирались через лес пешком. Это заняло почти целый день, но, кто знает, может, в волчьей ипостаси мы забыли бы, куда собирались. Мне хотелось побыть человеком и вдоволь насмотреться на своего любимого мужчину.

– Я почти привык быть волком. Это не так уж плохо. – сказал Дилан.

– Не хотел обратно?

Он задумался, а потом ответил, что всё это время мысли об этом его не посещали, что он был просто животным. Но он рад вернуться.

– Дилан... мы снова можем говорить. Я была такой дурой... Я не знаю, как искупить свою вину перед тобой, и сможешь ли ты меня простить?

– Очень скоро ты повзрослеешь и поумнееешь. – ответил он. – Всё хорошо. Просто впредь делай то, что говорю тебе я.

– Обещаю. Мне так стыдно за то, что я обманула тебя... – я опустила голову, мой голос перешёл в шёпот. – Господи, прости, Дилан... Я опять героически надеялась сделать всё сама, а ты... Как же тебе было больно! Ох, я боялась, что мы не успеем, и ты умрёшь...

– Перестань, это в прошлом.

– Ты меня не ненавидишь?

– Хм. Нет, конечно. Но надеюсь, ты усвоила этот урок.

– Усвоила. – кивнула я повинной головой и перевела тему. – Я заходила к Захару, он сказал, что мы зря убили Филина, что тот уехал так далеко, потому что хотел красиво пожить вдаль от дел.

– Да. – согласился с его мнением Дилан.

– Все считают меня тварью и гадиной. Похоже, теперь я заняла место Филина.

– Не говори глупостей. – он на ходу поцеловал меня в висок.

На мой рассказ о Седом он ничего не ответил, но я чувствовала, что он услышал меня.

Спрятанные мной в домике вещи Дилана стали немного маловаты ему, пуговица на джинсах не застегнулась. Да, он определенно набрал килограммов пять-семь.

На велосипед мы вдвоем не поместились, пришлось катить его рядом с собой. По дороге болтали о разном. Дилан рассказал про своё первое превращение в волка, как очнулся в лесу с вывихнутой кистью и разодранным бедром, и не помнил, что с ним случилось.

– Да-а-а... – протянула я. – С волчьим геном у тебя сразу как-то не задалось...

– Кто бы говорил. – парировал Дилан.

Мне сразу вспомнился день нашего знакомства, свадьба, потом превращение и первый секс. Мои плечи непроизвольно дёрнулись, губы поджались, шутить и смеяться перехотелось.

– Диана? – заметил Дилан перемену в моём настроении. – Что такое?

Я качнула головой в знак того, что не хочу развивать тему.

– Диана, я же вижу, что в твоей голове опять появилось что-то нехорошее! Выкладывай!

– Почему ты тогда... эм-м... – я запнулась, потом вздохнула и всё-таки выдавила. –

Почему был так груб со мной?

Теперь настала очередь Дилана глубоко вздыхать.

– Да от неопытности, конечно. Сама представь: накануне свадьбы мне сообщают, что ты сбежала. Отец бесится, клянёт тебя и всю твою семью, а я просто сижу, слушаю и никак не могу повлиять на происходящее. Я привык руководствоваться разумом, а не чувствами, поэтому счёл твоё бегство глупым. Из-за тебя чуть не сорвался обряд, на который было приглашено несколько сотен гостей! Ты – последний отпрыск своего рода, и твой принципиальный отказ от брака и бегство обернулись бы для клана катастрофой. – Дилан замолчал.

– А дальше? – полный рассказ о том, как всё происходило, я слышала от Дилана впервые. Да, чувствовала я себя при этом полной дурой, но как же интересно!

Дилан покосился на меня, усмехнулся и продолжил.

– Ну, о том, что далеко убежать тебе не удалось, мы узнали, когда подъезжали к Нижнему Волчку. Тогда я понял, почему отец отзывался о тебе не слишком лестно. Я смотрел на тебя, всю грязную, мокрую, исцарапанную, и понимал, что ты это делала назло мне. Уговаривать тебя и пытаться найти с тобой общий язык было бесполезно. Ты, вероятно, не знала, что в машине, которую ты так удачно поймала на дороге, сидел я.

– Знала, что есть такая вероятность, но не была уверена. Одного присутствия твоего отца мне было достаточно.

– Ну вот: я там был. Смотрел на тебя, и мне было стыдно. За тебя же. И это я ещё не подозревал, что ожидает меня дальше!

– Раз такой стыдливый, вот и не лез бы ко мне! – сердито буркнула себе под нос я.

– Здесь согласен. Да, обряд есть обряд, но... Признаюсь, я был настолько зол на тебя из-за того, что ты чуть не сорвала свадьбу, что сам совершил ошибку. Не так я себе это представлял.

– Представлял? – недоверчиво переспросила я.

– Ну да. У большинства моих коллег и знакомых на тот момент уже были отношения и даже семьи, а я ждал тебя.

– Хм, ну у тебя же была какая-нибудь временная девушка? – задала я неловкий вопрос и сама же поморщилась от собственной бестактности.

– Не было. – нехотя ответили мне.

– Э-э... – растерялась я.

– Да, Диана. Такова природа мужчин нашего клана: хочешь – не хочешь, а верность хранить придётся.

Я остановилась и захлопала ресницами, пытаюсь переварить услышанное.

– То есть совсем никак? А почему тогда Филин смог? Ведь Света же родилась...

– Не знаю. Возможно, как-то повлияла смерть его невесты, или есть какие-то лазейки.

Откуда мне знать? Он же был ненормальный... – Дилан повернулся и строго посмотрел на меня. – Что тебя так шокировало?

Я пожалала плечами. В моём понимании воздержание до 27 лет для мужчины – это чистой воды издевательство. Теперь понятно, почему племянник Дилана, Петро, едва не сорвался. Мы живём в такой культуре, где у некоторых дети рождаются в 15—16 лет. Подросткам очень трудно удержаться от соблазна.

Если бы тогда, во время этой проклятой свадьбы, я знала, что мы с Диланом друг у друга первые, повела бы себя по-другому. Не знаю, как, но точно иначе. Наше знакомство началось неправильно. Всё-таки стоило начать общаться хотя бы за год до свадьбы, попробовать понять друг друга, смириться с неизбежным.

Пару минут я стояла, погрузившись в раздумья, но потом не выдержала и спросила:

– Дилан, знаю, что уже спрашивала, но почему? Почему ты не познакомился со мной раньше? И не говори, что круглосуточно был занят на работе!

– Мне неприятно об этом вспоминать, Диана. – вздохнул Дилан.

– Эх, а я-то думала, что ты решил пролить свет истины на моё невежество...

– Об этом никто не знает, но я пробовал.

– Так-так-так, когда это? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Тебе тогда только-только исполнилось 16. Я наблюдал за тобой, как ты и целая компания подростков направились к пляжу. Уже вечерело, и я решил проконтролировать, чтобы не случилось ничего плохого, ну и сам залез в воду.

– Хм... – я начала припоминать события трёхлетней давности и... захохотала. – Нет! Боже ж ты мой! Это был ты?

– Я не на шутку перепугался, когда увидел, что ты сиганула с той скалы, рванулся к тебе. Когда я схватил тебя в воде и убедился, что ты в порядке, это и случилось... и ничего смешного в этом нет. Раньше я не испытывал влечения к девушкам и вообще избегал женского внимания, поэтому сам был в шоке от реакции своего организма на тебя. Когда ты завопила, на весь пляж, я почувствовал себя чуть ли не преступником. Было почти темно, но я боялся, что ты запомнила моё лицо. А потом на твои крики в воду попрыгали остальные, тут я и понял, что всё наше знакомство провалилось.

– Н-да... – протянула я. – Хорошо, что парни тебя не догнали.

– Еле удрал от них. Пришлось плыть не вдоль берега, а на глубину. Дельфины, кстати, помогли. Зацепился за одного и уплыл. – ухмыльнулся Дилан.

– Значит, мы с тобой оба хороши. – выдала умозаключение я. – Удивительно, что у нас вообще получилось поладить...

– Достаточно на сегодня откровений, не находишь? – спросил он.

– Да уж... – согласилась я.

Дилан обнял меня за плечи и повёл дальше. А у меня всё никак не укладывалось в голове, что я тоже была у него первой. Общая картина нашего знакомства приобрела для меня новый смысл. Теперь логическая цепочка сложилась, противоречия исчезли и, кажется, я влюбилась ещё больше.

Мы устало брели, спотыкаясь в темноте о камни и волоча велосипед. Ноги гудели, желудок сводило от голода. Время от времени Дилан останавливался, чтобы подтянуть то и дело сползающие с бёдер джинсы.

– Никогда не был таким. – признался он.

– Ты знаешь, если бы не всепоглощающая пустота в животе, я раздела бы тебя прямо здесь. – выдала ответное признание я.

– А в твоём положении не вредно о таком думать?

– Не-а! Даже полезно. И не только думать, но и делать!

Дилан просиял. Его лица я в темноте не видела, но всё и так было понятно по его довольному пыхтению.

Меня в который раз подхватили, усадили на велосипед и покатали. Сиденье было жёстким и неудобным, а на кочках сильно трясло, поэтому долго я всё-таки предпочитала идти пешком.

Когда впереди забрезжил свет деревенских фонарей, мы прибавили ходу, словно это кто-то другой провёл в пути весь день.

Мама охнула, когда ночью вышла в тёмную прихожую, где кто-то копошился.

– Мама, это мы. – предупредила я.

Включили свет, все зажмурились.

Мама стояла с открытым ртом, не зная, что сказать. Дилан поздоровался и весело рассмехался: впервые при ней и впервые так весело, словно ему было не 29, а, к примеру, 19, как мне. Для нас с Диланом это отсутствие казалось однодневным, а для остальных оно длилось целый месяц.

Мы разбудили и Захара, и Свету, они вышли сказать «привет» и снова удалились спать. Мама посидела с нами полчаса и тоже ушла, ненавязчиво посоветовав нам принять душ перед сном.

Дома был борщ, мы заели его хлебом с паштетом, всё было очень вкусно. Душ принимали вместе, пришлось терпеть непрогретую воду, после чего мы забрались в кровать и кувыркались, как похотливые подвыпившие студенты. Заснули, когда на небе появились первые признаки рассвета.

Я заметила, что в моей жизни счастье и несчастье сменяют друг друга, как волны на море. Ещё недавно я чуть не потеряла человека, с которым мы единое целое, а сейчас...

Разбудил меня жар, исходящий от тела Дилана. Сначала я просто сползла на край кровати, чтобы было прохладнее, потом что-то заставило меня обернуться. Он ещё спал, но на его лице уже было заметно начинающееся превращение.

– Дилан! Дилан! Проснись!

– М? – сонно откликнулся он и сладко потянулся.

– Ты... Это похоже на... – взволнованно пыталась объяснить я.

Он посмотрел на свои руки, резко соскочил с постели и стал одеваться.

– Куда ты?

– Пять минут. Поставь мою симкарту в свой телефон. – коротко бросил он.

Его сломанный телефон, который перед отъездом вернула мне Ирма, всё это время пролежал на окне и успел запылиться. В моей голове всё ещё не укладывалось, что прошёл месяц. Мой мобильник был в рюкзаке, тоже давным-давно разрядившийся. Пришлось ждать, пока зарядится.

Дилан вернулся.

– Телефон разрядился полностью.

– Мало времени.

– Кому ты собрался звонить?

– Родителям. Попробую так включить.

Ближайшая розетка была возле дверного косяка. Дилан сел на пол.

«Привет. – пауза. – Звоню сказать, что я жив и со мной всё в порядке. – он немного отстранил трубку от уха. – У меня мало времени. Знаю. Поручи мои дела кому-нибудь другому. – он начал терять самообладание. Седой, как всегда, разговаривал на повышенных тонах, так что звуковые волны долетали даже до меня. – Всё, что случилось, под мою ответственность! У тебя есть ещё внук, передай дела Петру. – пауза. – Мне нужна машина. Пошли водителя, пусть пригонит её в Нижний Волчок, к обрыву, Диана покажет дорогу. Сделай это через месяц. И нужны деньги, как можно скорее, передашь их Диане. Как там мама?.. Скажи ей, что я приеду в сентябре».

Дилан сообщил отцу, что хотел, но не выслушал того, что кричал ему Седой в трубку. Предположительно следующее превращение Дилана в человека должно было состояться через месяц.

В день, когда Владимир Александрович приехал узнать, что случилось с его сыном, я почувствовала, что он в отчаянии. Дилан был любимым из его детей, – сыном, которого он уважал больше остальных. Дилан понимал, что отец вряд ли доверит Петру вести дела, поэтому продолжит тянуть всё на себе.

Как бы помогло сейчас возвращение Дилана к нормальной жизни...

– Мне пора, Диана.

– Я с тобой.

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь.

– Нет! Нет! Нет! Пожалуйста, умоляю тебя, позволь мне пойти с тобой! – я подошла к нему и крепко вцепилась. – Я не всё тебе сказала! В лаборатории занимаются разработкой нового антигена, скоро ты сможешь жить, как раньше, понимаешь? Нужно только подождать!

Он поцеловал меня в висок, как обычно делал это, когда я говорила всякие глупости, но разрешил проводить его.

Мы попрощались с мамой, она поняла всё, как только взглянула на Дилана. Шли пешком, но довольно быстро, я катила рядом велосипед, так как Дилан взял с меня слово, что я сегодня же вернусь обратно в Нижний Волчок.

– Сегодня девятое августа. Значит, ты сможешь становиться собой примерно раз в месяц?

Он кивнул.

– Я приеду. Ты уже должна будешь начать учиться.

– Я решила пропустить этот год. Всё равно не удастся сдать сессию.

– Нет, Диана! Я запрещаю тебе так делать! Будешь жить в моей квартире, мама (моя мама) поможет тебе водиться с ребёнком. Я буду приезжать, когда получится. Это всё, что я могу тебе предложить.

– Я без тебя не выживу, я не справлюсь, они ненавидят меня! Не смей так поступать со мной! Я – твоя жена, и мы всегда должны быть вместе!

– Помнишь, ты говорила, что готова смести меня со своего пути, лишь бы добиться задуманного?

Это действительно было правдой. Я была настолько заиклена на том, чтобы убить Филина, что игнорировала предостережения Дилана, оттолкнула его от себя. Получив желаемое, я потеряла жизненно необходимое. А у ребёнка должен быть отец.

– Я не знаю, как жить с тем, что всё это из-за меня...

– Всё, Диана, хватит. Когда вернусь в следующий раз, сначала заеду к твоим, позвоню тебе от них.

Мы остановились, я вцепилась в него и умоляла простить меня, чувствуя при этом, что он уже не злится.

– Ты дала обещание слушаться меня. – он напрягся, по гримасе боли на лице я поняла, что у него началась деформация костей.

– Уже? Ты сможешь дойти? Нам ещё около часа до обрыва...

– Идём.

Мы дошли. Я ещё раз попыталась уговорить его взять меня с собой, но он грубо отказал. Я взяла его одежду, аккуратно сложила в нашем домике и вернулась в Нижний Волчок.

Бросив велосипед на обочине дороги, я побежала на кладбище, чтобы всё высказать папе и, может быть, услышать, что он об этом думает там, на небе. Мне казалось, что, видя моё состояние и мою истерику, высшие силы сжалятся над нами и вернут мне Дилана.

Папе, наверное, очень хотелось к маме... Он сказал, что я не должна подводить мужа. Я не желала знать, как это – потерять того, кто значит для тебя больше, чем ты сам.

Весь вечер со мной просидела мама. Мы устроились на кровати на чердаке и говорили допоздна. Я ревела, что не хочу жить без Дилана, что это слишком тяжело для меня. Мама жалела и говорила, что я со всем справлюсь.

– Он с детства был правильным мальчиком, я мало видела его (ты знаешь о ссоре папы с Владимиром Александровичем), но он сразу понравился мне. О! Мы тут со Светланой, когда прибирались на чердаке, нашли кое-что... Сейчас-сейчас... – мама достала огромных размеров похожий на книгу фотоальбом в тёмно-красном переплете. – Так-так-так, не подглядывай... Вот! Смотри-ка! Тебе тут годик с небольшим. А это...

– Мама, нет! Это не может быть он, даже не похож!

– Можно подумать, тебя тут узнаешь! Ты, конечно, этого не помнишь, но Дилан точно помнит, в следующий раз покажешь ему.

– Когда родится мой ребёнок, уже будет известно, кто его пара?

– Если родится мальчик, то нет. Невеста почти всегда сильно моложе жениха. Я точно не знаю, кто и как выбирает, но они ещё ни разу не ошибались. Возможно, это главы клана смотрят, чтобы близкие родственники не женились между собой, или ещё по какому-то признаку. Да, когда поедешь обратно в город, обязательно встань на учёт, сходи к врачу и сдай все анализы, поняла? Помни, что внутри тебя растёт человек.

– Хорошо, мам. – со вздохом пообещала я. – Но ведь ты не знала своих биологических родителей...

– Да. – ей не хотелось говорить о кровных отце и матери. – Для меня тоже загадка, каким образом выбираются пары. Мы же существа магические, хоть и живём очень просто.

– Магические... – задумалась я. – А почему Света не пришла посидеть с нами?

– Тебя не было целый месяц, кое-что поменялось. Они куда-то ушли с Захаром. Уединились где-то, как школьники. Уж не знаю, что из этого выйдет...

– О... а чему тут удивляться? Если у них всё получится, я буду очень рада.

– Ему же нравишься ты, это видно невооружённым взглядом. Я боюсь, как бы он Светке сердце не разбил, как тот её... как его...

– Не думаю, что до сих пор нравлюсь ему. Последний раз мы плохо поговорили, он обвинил меня в том, что я испортила Дилану жизнь и вообще не стою его.

– Это он от обиды. Ищет предлог, чтобы отдалиться от тебя. Эхх, я бы не советовала Светлане спешить сблизиться с ним, но она слишком уж торопливая и себе на уме, ты же знаешь. – мама замолчала на несколько секунд. – Ваши отношения с Диланом – только ваше дело, никого не слушай. Ну, или можешь выслушать то, что я думаю обо всём этом...

Я усмехнулась, насколько позволяло настроение.

– Ты – просто бедовая девка, суший кошмар! Я боялась, что у Дилана не выдержат нервы от такого. Мне жаль его, честно. Жаль также, что воспитывал тебя не отец с ремнём. А я бы тебя по-другому воспитать всё равно не смогла. Отдала на вас со Светой все силы. По крайней мере, у тебя было по большей части счастливое детство.

– Да. Было. Ты сделала всё для нас. – мы снова некоторое время молчали, потом я спросила. – Думаешь, всё так и останется? Он больше не сможет жить, как люди?

– Не знаю, дочь.

– Ирма сказала, что в лаборатории работают над антигеном, что уже есть положительные результаты.

– Дай бы бог... – кивнула мама.

Мы ещё о чём-то говорили, в конце концов, я начала плавно погружаться в сон, мама поцеловала меня, как в детстве, и ушла. Альбом так и пролежал всю ночь на месте, где ещё вчера спал Дилан.

В зеркале я заметила перемены не только по части фигуры, – появилось и ещё кое-что: шрамы на щеке. Видимо, раны, будучи не зашитыми, зарубцевались и собирались остаться такими на всю мою жизнь. И снова на помощь пришла мама: намазала рубцы какой-то жгучей смесью и сказала, что эта кожа слезет и взамен вырастет нормальная.

С Ирмой я связалась через социальную сеть; по правде говоря, она зарегистрировалась там ради меня. Я рассказала ей, как провела июль, и что случилось с Диланом. Она позвала меня к себе, но пришлось признаться, что у меня совсем нет денег.

Через три дня после разговора с Ирмой мне пришёл денежный перевод, и я улетела в Австрию, в Баден. Конечно, было чувство, что я прогуливаю чужие деньги, но оно не повлияло на моё решение, тем более что никто меня не спрашивал. Для Ирмы деньги были, как воздух, – их было настолько много, что они для неё как бы не существовали.

Я познакомилась с её сыном, Лукасом. Это был мальчик одиннадцати лет, совершенно бесконтрольный и своенравный и, будь у него гиперген, Лукас стал бы достойной заменой дядюшке Стасу, то есть Филину. И хорошо, что мальчик ничего этого пока не знал. Ирма умело делала вид, что не замечает поведения своего сына, видимо, надеялась, что его бесовство со временем исчезнет, израстёт.

Мы целый день гуляли втроём, Ирма старалась показать мне красоты городка, достопримечательности, соборы, парки и скверы. Лукас фотографировал нас, но делал это с явным неудовольствием, ему вообще не нравилось быть туристом в родном городе. Собственно, мои мысли тоже были забиты отнюдь не сооружениями XIX века.

– Ирма, как ты думаешь, у Дилана есть шанс вернуться к нормальной жизни? – в очередной раз озвучила я животрепещущий вопрос.

– Плохо тебе?

Я кивнула.

– Конечно, есть! Сейчас раз-ра-батывается очень много нового! В Мюнхене есть лаборатория, они сообщат мне, если что-то появится.

– Я тут подумала: мне однажды вкололи транквилизатор, когда было обострение... Может ли он как-то подействовать на Дилана?

– М-м-м... не уверена. Надо узнать. У меня идея! Осенью мы с Лукасом хотим поехать в Россию, а ты будешь нашим гидом. В Москве мы поговорим с Ярославом.

– Думаешь, он будет общаться с нами после случившегося?

– Да. Всё будет хорошо. Отвлекись, тебе надо отдохнуть.

Но относительно Ярослава я была с Ирмой не согласна: после моих угроз и зверских поползновений в его сторону он наверняка сделал всё, чтобы я до него не добралась. Не то чтобы это меня пугало, просто осложняло и без того тяжёлую ситуацию.

Вечером, уже без Лукаса, мы посетили купальню, ресторан и вернулись домой к Ирме. Я спросила, где Карл, она ответила, что они живут отдельно. Странные отношения. Позже я узнала, что они – давние друзья, что Карл работает в той же организации, что и Ирма, хоть

и не волк. Это тоже показалось мне странным, но разъяснений по этому поводу я не получила, и решила не упорствовать.

На следующий день мы поехали по городам и провели в поездке 4 дня. Лукас всё время проводил в своём телефоне, играл. Будь это мой сын, я бы всерьёз обеспокоилась тем, что из него вырастет. Или это только у русских родители всю жизнь опекают детей?

В целом поездка позволила мне немного развеяться, больше всего я рада была провести время с Ирмой, она пообещала, что где-то через пару месяцев они с Лукасом приедут в гости.

Пока я была в поездке, несколько раз звонил Седой. Официальной причиной того, что я не взяла трубку, было пребывание за границей, а фактической – заведомое отсутствие хороших новостей от него. Я решила вспомнить о нём, когда вернусь в Краснодар.

Глава 4

В Москве, вместо того чтобы спешить домой, я направилась по месту работы Ярослава. Я дала себе слово использовать любой, даже самый ничтожный шанс, чтобы вернуть Дилана, но при этом не навредить ему. Но для начала важно было собрать всю информацию.

Как я и предполагала, в лаборатории мне оказались не рады, но, в конце концов, удалось добраться до Ярослава и вызвать его на разговор.

– Понимаете, в чём дело, нам не на ком тестировать препарат. Животные – они уже животные, на них мы можем проводить только простейшие опыты, а людей для опытов у нас нет. Вашего мужа я предупредил о последствиях.

– Что насчёт транквилизатора? Он может сработать?

– Транквилизатор волчьего гена? М-м-м, это непростой вопрос. Там большой риск конфликта компонентов, я бы настоятельно не рекомендовал использовать его. Вполне логично, что произойдёт обратный эффект, то есть Ваш муж не сможет становиться человеком. Так что хороших новостей у меня для Вас нет.

– Но он же превращался обратно в человека! Почему нельзя ничего сделать?

– То, что превращался, – это само собой разумеется, он же всю жизнь прожил, как человек, человеческая сущность будет проявляться так же, как раньше проявлялась волчья.

– Если Вы создали препарат, превращающий человека в волка, создайте обратный!

– Увы, создал его не я. От препарата волчий ген мутировал. Я не имею образцов крови Вашего мужа, мне не по чему судить. Препарат разрабатывался для смертников, так изначально было рассчитано. Мутировать обратно ген вряд ли сумеет. Все, кому вводилась вакцина, умирали. Был случай, когда человек вернулся в свой изначальный облик, но впал в кому. Он так и не пришёл в сознание, сейчас он мёртв! В конце концов, волчий ген – это явление отчасти магическое, возможно, ведьмаки скажут Вам больше, чем я. Тем более, у нас довольно скудный бюджет, мы производим в основном транквилизаторы, у нас это очень популярно, всем мешает этот проклятый ген...

Ушла я от Ярослава ни с чем. Непонятно было, как подействует транквилизатор, если вколоть его. Все эти беспочвенные домыслы... Такое чувство, что Ярослав просто боялся создавать нечто настолько серьёзное и значимое. Надо было что-то делать.

Я решила, что в каждый свой приезд в Москву буду навещать Ярослава и давить на него, чтобы добиться хоть каких-то действий. Также нужно было взять у Дилана кровь на анализ, возможно, это поможет разработке антигена продвинуться дальше.

Я прилетела в Краснодар ночью. Ключи от квартиры Дилана были в сумке, при мне. Как только я вошла в дверь, меня обуял страх. Как жить здесь – одной? Раньше мы с Диланом свободно могли находиться далеко друг от друга, но я знала, что он скоро вернётся, что мы помиримся или снова поругаемся. А теперь ничего не было ясно. Теперь мы были обречены проводить вместе лишь один день в месяц. В душе поселилось волнующее чувство, что нужно скорее искать выход из этого тупика.

«Средство есть, его просто нужно найти...» – внушала себе я.

Несмотря на недоверчивое отношение к колдунам и ведьмакам, я решила, что попробую хоть что-то выяснить у них.

Встала я уже днём. В холодильнике нашла заплесневевшие продукты и тут же выкинула их. Из еды нашлись только порционные пакетики риса, я сварила один, его и съела.

Моё внимание привлек конверт на столе Дилана, некоторое время я стояла, боясь прикоснуться к его вещам. Но конверт оказался адресован мне. В нём была пластиковая карта, пароль к ней и записка: «На случай, если...».

«Мне кажется, я начинаю себя ненавидеть...» – пробормотала я себе под нос.

Собирая некоторые вещи, чтобы увезти их в деревню, я поняла, что забыла кое-что сделать: встать на учёт по беременности. Пришлось отсрочить встречу с Диланом ещё на пять дней и пройти все стандартные процедуры.

На приёме меня пожурили, что поздно встала на учёт, но на УЗИ сказали, что беременность протекает хорошо и что предположительно это мальчик. Впервые я ощутила присутствие внутри меня живого человека, настоящего, а не воображаемого.

Кроме как ходить по врачам и сдавать анализы, мне было нечего делать, я слонялась по квартире и каждая вещь напоминала мне о событиях, которые уже остались в прошлом. Не сказать, что мы с Диланом жили дружно и хорошо, но мне казалось, что всё самое страшное мы уже пережили. Тут мне на глаза бросилось размытое коричневое пятно на обоях, которое вот уже полтора года как было оставлено мной. Засохшая чужая кровь. Когда-то давно я забыла его оттереть, и оно так и осталось на стене, напоминая о монстре, живущем во мне.

И тут меня осенило: не согласись я когда-то давно работать танцовщицей в клубе, никто бы не попытался меня изнасиловать и не был бы убит мной, Дилан с мамой не укололи бы меня транквилизатором, я бы не обнаружила дорогу в Верхний Волчок на обрыве, Захар никогда не встретил бы меня и Василич не оказался бы повешенным. Всё бы случилось не так: Филин до сих пор был бы жив, а война шла без меня. Возможно, волков истребили бы охотники, а может, наоборот... Столько всего из-за каких-то танцев.

Давно не танцевала...

«Дилан, я готова никогда больше не танцевать и во всём слушаться тебя, лишь бы ты вернулся ко мне таким, как раньше...» – говорила в пустоту я.

Вот такая сломленная жизнью девочка. Я слонялась по квартире, даже не пытаюсь подавить в себе истерику, мысленно просила прощения у Дилана и забирала все сказанные в запале самонадеянности слова. Да, я стала главным кошмаром в жизни своего самого дорогого человека. И кошмаром для себя самой. Эти глупые обещания...

Перед отъездом в деревню мне пришлось поговорить с Владимиром Александровичем, причём уже не по телефону, а вживую и у него дома. Со мной обошлись резко и предельно конкретно; речь шла о будущем ребёнке: они будут его любить и принимать участие в его воспитании, но о хорошем отношении ко мне и речи быть не может, я раз и навсегда вычеркнута из списка их родственников. Мать Дилана, Лидия Николаевна, тоже присутствовала при разговоре, но не участвовала в нём и ни разу даже не посмотрела на меня, а просто сидела с таким лицом, как будто её оскорбили до глубины души.

В конце концов, я с высоко поднятой головой выдержала весь негатив, вылитый на меня, и встала, чтобы уйти. Уже когда я подошла к дверям, мне передали конверт с деньгами. Ужасно не хотелось их брать, но, вспомнив, что об этом просил отца Дилан, я взяла.

Теперь, наконец, можно было отправляться в Нижний Волчок. 26 августа. Я успевала ещё несколько дней побыть с мужем и ни о чём не думать. Я прихватила кое-что из его вещей, подумала, что пригодится.

Мне казалось, что я нахожусь не совсем в сознании, всё вокруг виделось ватным, как в компьютерной игре или сне. Похоже, для организма было слишком большим стрессом – осо-

завать, что всё это происходит на самом деле, здесь и сейчас. Временами я ловила себя на том, что проваливаюсь в забытие прямо на ходу и не могу вспомнить ни одной мысли, как будто несколько часов меня просто не существовало.

Я приехала в деревню уже вечером. На вокзале застала маму, она как раз заканчивала смену. Я подождала её, и мы вместе пошли домой. Мама бурно обрадовалась мне и начала выпрашивать новости. В основном я рассказывала про поездку, что в Австрии очень красиво, одним словом: Европа (но дома лучше); а ещё – про УЗИ, что предположительно у меня родится мальчик. Мама расчувствовалась, смахнула со щеки слезинку и тут же пошутила, что скоро ей становится бабушкой.

Дома никого не оказалось, и здесь меня поджидали очередные новости: Захар устроился на работу в рабочую бригаду по строительству бревенчатых домов, как и хотел. Мама сказала, что он не появлялся уже двое суток. Что ж, это хорошо. Теперь за него можно было не бояться.

Света пришла, когда мы пили чай на кухне. Что-то в ней поменялось, она стала более открытая, улыбчивая. Однако мама смотрела на неё с тревогой. Мы старались не говорить на щекотливые темы, обсуждали в основном, какие хлопоты предстоят в связи с рождением ребёнка.

Идти в Верхний Волчок было уже поздно, но я ещё с вечера предупредила маму со Светой, что пару-тройку дней проведу с Диланом.

Ночью снова не спалось, чувство вины и тревоги пожирало меня изнутри. Я уже не обращала внимания на сны, как раньше, или, может, они мне вовсе перестали сниться.

Из памяти стёрлась половина того, чем я занималась все эти дни. Осталось лишь ощущение потерянности и тёплых заботливых рук мамы.

Начались дожди. Небо затянуло напрочь. В ближайшие пару дней солнца нечего было ждать. Разумеется, уговорить меня остаться никто не смог, рано утром я села на велосипед и поехала по лужам в Верхний Волчок.

На этот раз я шагнула в обрыв сама, чтобы не свалиться с велосипеда. Теперь, когда моё положение стало заметным, я постоянно думала о том, чтобы двигаться как можно более осторожно.

В бывшей охотничьей деревне стоял ливень такой силы, что вся каменистая земля превратилась в один большой водоём, в воронках образовались маленькие прудики. Перепрыгивать с камня на камень было бесполезно, поэтому я шлёпала по воде без разбору.

Велосипед пришлось поставить в комнату, а одежду – снять с себя и разложить на столе, чтобы высохла к моему возвращению. По телу пробежала дрожь: холодно; я закуталась в попыхивающее мышами и дымом одеяло.

Уже наступил день, а я всё смотрела в окно, ждала, что дождь утихнет, но он и не думал переставать. Я решила, что в шкуре волка мне будет всё равно, дождь или не дождь, и перекинулась.

Дилана пришлось звать долго. Встретились мы уже в темноте. Он не стал прогонять меня, но чем дольше я оставалась в волчьей шкуре, тем меньше соображала, кто я и какой сейчас день, словно другой жизни не существовало, словно мы не люди. Смутно помню, что мы встретили в лесу других волков, что они вместе охотились, а я не участвовала. Помню густой запах крови матёрого вепря.

Ночью я проснулась от холода в человеческом теле, но превратиться обратно в волка никак не удавалось. Отупение, пока я вспоминала, кто я и что к чему, привело к сильному ознобу, зуб не попадал на зуб.

Едва-едва начинало светать. Лес стоял мокрый, хотя дождя уже не было. Поднялся туман, не очень густой, но достаточный, чтобы сбить меня с толку ещё сильнее. Из-за кустов и тумана казалось, что я сижу не посреди леса, а на постановочной площадке с декорациями, только вот мох подо мной был настоящим.

Моё лицо было повернуто в сторону старого мёртвого дерева, стоявшего посреди опушки, по его глубоким трещинам можно было заметить, как оно закручено в спираль; внизу ствола зияло большое дугообразное дупло, я сообразила, что в нём можно спрятаться от утреннего холода. Я привстала, по-прежнему не понимая, кто я, в полусогнутом состоянии сделала несколько шагов, под ногами щёлкнули ветки. Это было удивительное ощущение, как будто я только что родилась.

За спиной послышалось шевеление, я оглянулась: огромный зверь смотрел на меня в упор и скалил зубы. Тут память потихоньку начала возвращаться в мой разум, что-то подсказало, что этот волк не тронет меня.

– Что ты скалишься? – буркнула я. – Мне холодно.

Я залезла в дупло, свернулась калачиком, но в опилочной трубе оказались муравьи, сидеть стало невозможно, я выбралась обратно наружу. Сознание пришло в норму, я заново вспомнила последние события, и груз вины свалился на мои плечи. Только вот своё местоположение я вычислить не смогла, поэтому пошла наугад, только бы согреться.

Перекинуться в волка так и не удалось, Дилан убежал далеко вперед, но оставался при этом в пределах видимости. Так мы добрались до края леса, после чего Дилан исчез.

Одна колючая мысль застряла в моей голове: прошлый раз дождь нарушил мои планы, когда я пыталась сбежать, чтобы меня не выдали замуж. Возможно, и в этот раз природа таким образом говорила со мной? Я начала понимать, что разорваться между двумя мирами не получится: Верхний Волчок прогонял меня.

Абсолютно нагая я шагала между недостроенными многоэтажками, пустыми изнутри. Мой взгляд заметил впереди какое-то движение, но я не остановилась, сейчас было не до осторожности. Дрожь больше не разбивала моё тело, от ходьбы я согрелась, разве что устала и хотела есть. Некто, человек, тоже заметил меня и тут же скрылся.

В домике я влезла в успевшую подсохнуть одежду, проверила, все ли вещи на месте. Мобильный телефон включился и показывал 31 августа, утро. Вовремя я пришла в себя, да уж. Наскоро одевшись и вытащив велосипед на улицу, я покатила в Нижний Волчок.

В большом мире дождь как будто не переставал, я вернулась мокрая до трусов, одежда неприятной прохладой облепила меня.

Дома было тепло. Вторник, мама на работе, Света, по-видимому, тоже.

– Привет. – услышала я.

– Привет, Захар.

Я не была настроена на разговор, в первую очередь направилась на кухню, поесть, но Захар проследовал за мной.

– Мы можем поговорить?

– Угу, – ответила я, жуя бутерброд с острым салом и стоя к Захару спиной.

Он сел за стол и ждал, пока я закрою холодильник и тоже сяду. Наконец, я на него посмотрела: передо мной сидел человек, едва напоминающий того плаксивого и не желающего жить мальчишку. Да, пару-тройку недель назад, когда мы с Диланом пришли сюда ночевать, я мельком видела Захара, но не обратила внимания на перемены, начинающиеся в нём, зато теперь моё любопытство выиграло.

– Очень хочу есть, ты говори, я тебя слушаю. – сказала я.

– Ты ведь знаешь, что я со Светой, да?

– Да, и очень за вас рада.

– Я очень злился на тебя, наговорил гадостей. Извини. На самом деле я так и не смог избавиться от чувств к тебе. Твой муж предупредил, чтобы я больше не лез к тебе с такими разговорами, что волки создают пары на всю жизнь, что ты легко выходишь из себя и т. д. и т. п. Я пытаюсь быть со Светой, но в голове постоянно пульсирует, что она – не ты.

– Так зачем ты сблизился с ней?

– Хотел забыть тебя, уязвить...

Я, было, подскочила, чтобы в порыве гнева наброситься на него, но тут же села обратно. Получилось неловкое движение. Вспомнились обещания, которые я дала Дилану: вести себя хорошо и делать, как он мне велит. Но на самом деле волчий гормон в моём организме как бы заснул, насильно заставляя меня сохранять спокойствие.

– Значит, так: если ты обидишь мою сестру, я забуду про то, что нам довелось пережить вместе, ты перестанешь существовать для меня.

– Разве я всё ещё существую для тебя? – задал он явно провокационный вопрос.

– Захар, у тебя всё будет хорошо, но если тебе не нравится Света, то просто отстань от неё, не разбивай ей сердце!

– Да я и не лезу, она сама...

Так и знала. Пришлось махнуть рукой и поспешно завершить разговор: пора ехать, горы дел... Переодеться, как ни странно, было не во что. С платья, конечно, уже не капало, но в нём всё равно было зябко. Я позаимствовала мамин палантин, укуталась в него, взяла сумку и вышла на крыльцо. Дождь.

– Диана! – Захар вывалился из двери за мной следом. – Я провожу тебя, ты же без зонта.

«Надо же, какая забота...» – иронично усмехнулась я про себя, а вслух ответила:

– Никогда не ношу с собой зонт: сколько ни укрывайся под ним, всё равно промокнешь. – но против того, чтобы он проводил меня, ничего не сказала.

– Будешь учиться?

– Да. Так хочет Дилан. Во всяком случае, пока что да.

Поднялся ветер и выдул из меня накопленное тепло, я съёжилась ещё сильнее. Захар норовил приобнять меня, задавал вопросы с подтекстом, а я увиливала, как могла. С одной стороны, хорошо, что он больше не злился на меня, а с другой, – снова начал приставать.

К счастью, до вокзала дошли быстро. Я купила билет на автобус и зашла попрощаться к маме, она как-то обеспокоенно посмотрела на меня и спросила, всё ли в порядке.

– Не знаю, нормально ли то, что я не смогла превратиться? Безо всяких причин – не смогла.

– Ты же беременна, а у беременных скачут гормоны. У меня с тобой тоже было такое. Просто кому-то надо лучше себя беречь!

– Я больше не смогу становиться волком, пока беременна?

– Не знаю, дочь, не знаю... Может быть, реже. – она оглядела меня, положила мне руку на плечо. – А почему у тебя платье мокрое?

– Дождь на улице. Я взяла твой палантин, а то тут не осталось вещей, в следующий раз верну.

– Ты бы хоть причесалась, растрёпа. Что же ты как?

– Что-то я устала, мама... Посплю в дороге. Всё хорошо, просто сегодня настроение такое, дождливое.

Мама выглянула в окно.

– Это, что, Захар там стоит?

– Вызвался проводить.

– Ну и ну! Уступи-ка парня сестре, у тебя уже есть муж.

– Ты же знаешь, что я не смотрю на других.

– Знаю. Это я так... – она погладила меня по щеке. – Когда хочешь приехать теперь?

– Как получится. Может, на следующих выходных. Буду ждать, вдруг Дилан приедет.

Мы попрощались, я вышла к Захару. Он о чём-то рассуждал, а я просто хотела помолчать, ждала, когда уже, наконец, подъедет автобус. Перед посадкой Захар спросил, можно ли обнять меня, я вяло мотнула головой и махнула ему рукой. Теперь можно было ни о чём не думать.

В дороге уже поняла, что не сделала одну очень важную вещь: не поговорила со старцами, живущими на берегу моря. Что ж...

Больше не было сил строить планы, как будто кто-то высосал из меня всю энергию. И вроде ещё оставались вещи, которые должны были жечь мне пятки, гнать вперёд, но от изнеможения я впала в апатию.

В Краснодаре тоже шёл дождь; похоже, я всюду успела под него попасть. Этот день испытывал меня на прочность.

Дома я скинула с себя мокрую одежду и улеглась спать, как есть, голая. Под одеялом моё тело согрелось, сознание выключилось мгновенно и так же быстро, как мне показалось, включилось снова. Я взглянула на часы: 5 утра. Сходила в душ, не спеша позавтракала, начала собираться. Не произошло ничего необычного, я пришла в вуз к 10 часам, сфотографировала расписание на текущую неделю... и заметила дату на мобильном: «02.09.2010». Сначала я несколько раз моргнула, включила и выключила дисплей телефона – цифры не поменялись. Получается, я проспала первое сентября. Странно, никто даже не позвонил мне, не спросил, куда я пропала.

Мой организм, вогнанный в стресс нестабильным существованием, сбоил. Я не понимала, о чём меня спрашивают девочки из группы, отвечала им невпопад, забыла телефон в аудитории, потом искала его целый час после пар. Всё шло не так. В мозгу не было мыслей, только редкие картинки воспоминаний и одно-единственное имя.

К вечеру начался озноб, поднялась температура, мне стало так плохо, что казалось, будто я умираю. Я доползла до кухни, свалила весь формованный лёд из морозилки в полиэтиленовый пакет и положила его себе на шею, выпила тублетку и снова легла в постель. Настолько не хватало сил, что я считала собственные вздохи: один, ещё один, ещё один... постепенно тяжёлый, бредовый сон сморил меня.

Утром я проснулась в мокрой постели: пакет порвался, и растаявшая вода вытекла прямо на подушку. Полчаса лежала и прислушивалась к себе, было страшно встать: вдруг температура подскочит снова?

Пятница. С трудом удалось поднять тело с постели и пойти на кухню. Я заставила себя выпить большую кружку кипячёной воды и почувствовала себя немного лучше. Сидя за столом без завтрака, я думала, идти на учёбу или нет. Судя по всему, нет. Даже чтобы купить в магазине еды, сил не было. К родителям Дилана обращаться не хотелось. Я приняла душ и снова легла на мокрую постель.

Сон не шёл, желудок требовал пищи, а вставать не хотелось из-за ломоты в теле. Я отчётливо понимала, что эта болезнь может навредить моему ребёнку, что нужно срочно предпринять меры. Ещё час я перебирала в уме варианты действий: пойти в магазин и купить всё необходимое, вызвать скорую или позвать кого-нибудь на помощь. В итоге остановилась на третьем.

– Ань, привет, не отвлекаю? – позвонила я подруге.

– Привет, нет, мы с Лю как раз хотели позвать тебя в гости сегодня. Отметим мой пятый, её шестой, а твой третий курс. Ты как?

– Я заболела. Мне нужна ваша помощь...

– Не вопрос, что с тобой случилось?

– Простудилась. Вчера была высокая температура. Хотела попросить вас зайти ко мне в гости, принести каких-нибудь лекарств и еды, я потом верну деньги.

– Часа через полтора будем у тебя, называй адрес.

Девочки приехали. Два молодых будущих врача, Люда – студентка медико-профилактического факультета, Аня – фармакологического, суетились вокруг меня целый вечер. Мне было очень приятно от их заботы: они накормили меня и заставили выпить лекарства, сменили постельное бельё и загрузили его в стиралку, а после мы все втроём сидели на диване и смотрели дурацкий и смешной фильм. Девочки пили пиво, а я – клюквенный морс.

После фильма мы разговорились. Я была неосторожна и выложила им, что произошло. Они как-то сразу поникли, веселиться после таких новостей им уже не хотелось, даже подбадривания были не слишком-то убедительными. Впрочем, все всё понимали.

Поздно вечером они оставили меня отдыхать, но пообещали вернуться завтра. Впереди были выходные, можно немного подлечиться, субботы в сентябре не учебные.

Ночью сквозь сон я снова ощущала озноб и головную боль. К утру заложило нос, и я с трудом могла сфокусировать взгляд на чём-либо.

Непричёсанная, я поплелась в магазин за продуктами, чтобы приготовить себе плова на целую неделю. Забывать вещи для меня стало уже привычным, поэтому, когда кассир окликнула меня на выходе, я не удивилась. На этот раз в рассеянности я оставила сдачу.

Уже на лестничной площадке, открывая ключом дверь, я столкнулась с Седым, неохотно поздоровалась и хотела было скользнуть в квартиру и захлопнуть за собой дверь, но он начал громко, на весь подъезд, придирается к моему внешнему виду и оскорблять. Я сделала вид, что не слышу криков, сказала короткое угрюмое «до свидания» и закрыла дверь. Конечно, я знала, что эту дерзость мне ещё припомнят, но в данный момент это было неважно.

В этот день я больше никого не хотела видеть, даже подруг. Позвонила Анке, сказала, что всё в порядке, приезжать не нужно.

Важнее всего для меня сейчас было набраться сил, чтобы жить дальше. Я решила заняться стряпнёй, сделать хоть что-нибудь полезное. Пока готовила, в дверь начали звонить, причём звонить долго и настойчиво. Последний раз такой раздражающий звонок я слышала, когда очнулась после кровавой ночной бойни, той самой, первой. Итак, я знала, кто стоит за дверью. И этот «кто» тоже знал, что я дома.

– Почему ты всё ещё не собралась?

– Куда?

– Что значит куда? Ты, что, не слышала, о чём тебе было сказано? Чтобы через две минуты была собрана и стояла внизу у машины! Время пошло.

Оказывается, Седому было что-то нужно от меня. Я стояла перед дверью и пыталась сообразить, куда он собрался меня везти. Не было сил на борьбу и ругань с ним, поэтому пришлось надеть джинсы и ветровку, взять сумку. Внизу стояли сразу два автомобиля, Седой давал какие-то распоряжения своему водителю. До меня только теперь начало доходить, куда мы едем.

Впереди ехали мы с водителем, а отец Дилана – за нами. Я попросила заехать по пути в магазин, купила пару полуторалитровых бутылок воды и несколько пачек бумажных носовых платков.

– С тобой всё в порядке? – спросил водитель.

– Нет. – неохотно ответила я.

– Заболела что ли? Ещё тепло ведь!

Я дала ему понять, что не в настроении говорить, просто опустила спинку кресла назад и попробовала задремать. Как только сон начал наваливаться на меня, моё тело замёрзло, и сколько бы я ни ёжилась, дрожь становилась только сильнее. Это могло значить только одно: температура снова поднялась, дышать стало тяжело.

Останавливались на заправке только раз, уже на подъезде к Нижнему Волчку. Когда заехали в деревню, я попросила остановиться у дома, где живут мама со Светой. Там должны быть таблетки. Кроме того, я хотела взять тетрадь и карандаш, чтобы написать Дилану письмо. Уже через неделю он должен был приехать, надо сказать ему, где лежат ключи, где стоит машина.

Дома были все. Мама хотела было позвать Владимира Александровича на чай, но я сказала, что мы торопимся, надо успеть до темноты. Меня отвлекли, и я забыла выпить таблетку.

Собственно, спешка была преувеличена, но сидеть за одним столом с человеком, которого я едва ли не ненавижу, стало бы для меня очередным кровососущим испытанием.

Оказавшись на месте, водитель усмехнулся и сказал, что легко нашел бы дорогу и без меня. Седой сзади нас тоже остановился, обратно нам предстояло ехать уже в его автомобиле.

Я попросила сделать паузу в тридцать минут, вытащила ключи из замка зажигания, схватила пакет с вещами, закрыла машину и прыгнула в обрыв. Позже поняла, что водитель, который не являлся членом клана, не должен был этого видеть, морально я уже была готова к крикам Седого.

Горел закат. Давно я не обращала внимания на яркие вечерние представления, а тут закат сам лез мне в глаза. Я щурилась и закрывалась от него рукой. При других обстоятельствах я осталась бы, чтобы впитать в себя чарующую красоту заходящего солнца.

Домик уже был погружён в тень леса. На наружной стороне двери я заметила следы когтей. Похоже, сам хозяин домика навещался сюда. Внутри пришлось передвигаться на ощупь, пока глаза не привыкли к темноте.

Всё произошло мгновенно: рычание зверя, готового разорвать меня в клочья, моя реакция, миг посветлевшая комната и туман в мыслях. В испуге мне всё же удалось превратиться. Куртка неловко повисла на мне, джинсы свалились. Рычание прекратилось, я ощутила знакомый волчий запах Дилана рядом с собой и только успела потереться об его шею, как меня тут же выкинуло обратно в человеческую ипостась.

Снова темнота, человеческие глаза были не в силах разглядеть обстановку. Волк уже не рычал, запрыгнул на кровать и наблюдал за мной, пока я одевалась.

«Интересно, он на самом деле мог наброситься на меня или только припугнул? Если мои человеческие мысли отключаются, когда я обращаюсь волком, то как это происходит у него? Он тоже ничего не помнит?» – задавалась вопросами я. Как бы то ни было, мы могли быть вместе только когда либо оба люди, либо оба волки.

Светя фонариком, я написала Дилану в тетради несколько слов, оставила на столе бутылку воды, ключи от автомобиля и вышла. Оставалось надеяться, что меня дождались.

– Тебя за смертью посылать! Где ты оставила его ключи? – Седой по-царски расселся на водительском кресле.

– В нашем доме. – ответила я, не глядя на него и завесив лицо волосами (резинка для волос потерялась на полу, когда я превращалась).

– Ты совсем идиотка? А если их заберёт кто-то другой?

– А где мне было их оставить?

– Это мне решать! Ты как со мной разговариваешь, соплячка?! Ты вообще кто здесь? Ты – ничто!

– Я отдала их Дилану, ясно? И если вы так печётесь о сыне, могли бы пойти со мной и хотя бы увидеться с ним!

– Молчать!

Я вылезла из автомобиля, пока он ещё стоял, и пошла пешком.

«Только бы не зареветь...» – пронеслось у меня в голове.

Метров через сто меня нагнали и велели садиться в машину, я отказалась, но голос ещё более повелительным тоном повторил приказ. В этот момент не было человека, ненавидимого мной больше, чем Седой. Я подняла булыжник с дороги и запустила им в окно автомобиля, стекло на передней двери спасло водителя от удара, но треснуло само. Седой выскочил из машины, схватил меня за волосы и затолкал на заднее сидение. Я пыталась вырваться и кричала, но слабость и ломота в теле не позволили мне добиться своего.

Мимо маминого дома мы проехали, даже не притормозив, и что бы я ни сказала, в ответ мне было только одно слово: «Молчать!». Оупение снова заволкло туманом мою голову, дороги я не запомнила совсем.

Оказавшись дома, я первым делом выпила сразу две жаропонижающие таблетки, впихнула в себя несколько ложек плова, приготовленного наспех и не очень вкусно. Только не думать об этом, не думать...

«Сегодня мне сказали, что я – ничто, и меня ни во что не ставят» – отзывалось болью в груди у меня. Теперь всё вокруг напоминало мне о словах Седого. Меня разбивала дрожь и истерика, я легла прямо на полу и перестала сдерживать себя. В очень неудобной скрюченной позе я встретила утро воскресенья, плечо чесалось от отпечатавшегося на нём следа от плинтуса. Живот потягивало, стоять на ногах было неловко, хотелось снова согнуться и лечь.

Я подумала, что это самое дно, что хуже уже не может быть. Теперь пора было достать себя из ямы, начать шевелиться. У меня была неделя на то, чтобы привести себя в порядок и сделать вид, что всё хорошо. Я позвонила девочкам из группы, спросила, что задано, пошла в библиотеку – готовиться, прикупив по дороге медицинских масок. Ясно было, что болезнь ещё не отступила, но валяться в постели и душить себя негативными мыслями – ещё хуже.

«И раз жизнь перекидывает меня из ада в рай и обратно, то логично предположить, что сейчас я стремлюсь вновь обрести счастье» – размышляла я.

В воскресенье библиотека работала до 18 часов, я успела сделать далеко не всё запланированное. Хотя бы отвлеклась, читала учебники с удовольствием.

Больше всего меня грела мысль, что встреча с Диланом стала ещё на один день ближе, я уговаривала себя потерпеть, ведь скоро, очень скоро...

Решив больше не пропускать учёбу, я вкладывала в неё остатки сил, а вечером приходила домой, пила таблетки и надеялась, что болезнь, наконец, отступит. К среде стало ясно, что предпринимаемые мной меры не действуют, а состояние становится опасным для здоровья моего ребёнка.

Как-то раз после пар мы с Людой и Анкой сидели в столовой, они заваливали меня советами, как вылечиться, принесли мне банку мёда, подшучивая, что у Волчонка скоро будет маленький Волчонок. Девочки заметили, что я уже не выгляжу, как подросток, а стала более женственной, отрастила грудь. Да, это, пожалуй, и в самом деле начало бросаться в глаза.

За последнюю неделю черты моего лица заметно изменились, стали менее острыми, как будто оплыли, потускнели. Раньше я легко могла положиться на свою «безотказную» красоту, мне почти всегда потакали в моих просьбах и капризах. Теперь реальность начала меняться. Кое-кто из преподавателей резко негативно отнёсся к моему положению.

Всю неделю я спала по десять часов в сутки, чтобы дать организму восстановиться, но этого было явно недостаточно. Я стала пить витамины, купила себе фруктов, чтобы забивать ими вечерний голод. И всё равно болезнь не хотела уходить, я даже начала к ней привыкать.

Время дотянулось до ещё одной пятницы. Даже на парах я держала мобильник в кармане, чтобы не пропустить самый важный звонок. Телефон молчал. Я ждала весь день, весь вечер до ночи – тишина. Так и уснула, время от времени открывая глаза и проверяя, нет ли пропущенных звонков.

Утром меня разбудил звук открывающегося замка. Я резко вскочила в постели, но смогла добежать только до дверного косяка: в глазах потемнело, руки и ноги затряслись. Такое случилось и раньше, особенно во время болезни, ничего страшного в этом не было, просто я смотрела туда, где должен был стоять Дилан, а видела чёрное полотно.

Но это был он. Я изо всех сил старалась не показывать своего недомогания.

– Привет! Я тебя разбудил? – я кивнула. – Диана, с тобой всё хорошо? – я снова кивнула.

Он подошёл, обнял меня и поцеловал в волосы. Я почувствовала, как кровь внутри меня забегала быстрее и силы начали возвращаться.

– Голова кружится...

– Пойдём на кухню. – он помог мне дойти и усадил за стол, потом огляделся и остановил взгляд на мне. – Рассказывай.

Я задумалась, с чего бы начать. Новостей и в самом деле было много, к каждой из них требовалось вступление. Минуты тянулись за минутами.

– Диана?

– Собираюсь с мыслями.

– Хорошо. Дома есть еда?

– Плов.

– Подогрей мне, пожалуйста, я голоден. Схожу в душ, потом поем.

С бородой и отросшими волосами он был как будто другим человеком. Не я одна изменилась. Из ванной он вышел уже чисто побритым, с полотенцем на бёдрах. Теперь мне показалось, что это уже кто-то третий.

– Придумала?

– Я ездила в Австрию к Ирме, мы устроили небольшое путешествие. – сказала я и тут же почувствовала стыд за то, что развлекалась после того, что натворила. пришлось добавить оправдание. – Все расходы взяла на себя она.

Дилан улыбнулся, показывая взглядом, что ждёт продолжения. Раньше он редко улыбался.

– Я ходила на УЗИ, там сказали, что это, предположительно, мальчик.

Дилан сидел за столом сбоку от меня, держа вилку в руке, но не притрагиваясь к еде. Услышав мою новость, он сначала замер, потом позвал, чтобы я села к нему на колени. Он крепко прижал меня к себе, молчал, и по его прерывистому дыханию я поняла, что он смеётся и плачет одновременно.

Позже мы перешли в комнату. Я взяла у Дилана три пробирки крови для исследований, в надежде, что это поможет в разработке антигена, затем устроилась у него под боком.

В странном оцепенении, как будто под гипнозом, я выложила ему всё, что произошло за этот долгий месяц, даже про разбитое стекло у машины Седого и его унижения. Дилан глубоко вздохнул, но не стал ругать меня, сказал, что ему надо повидаться с родителями, а после мы продолжим разговор.

Пока его не было, я собрала с дивана использованные носовые платки и выбросила их, заправила постель и прибрала разбросанные вещи. Как-то запустила я беспорядок в квартире. Педантичный Дилан, наверняка, заметил это, хоть и ничего не сказал, ему было не до мелочей.

Я ждала его возвращения около двух часов, предвкушала, что ему придется выслушивать обо мне. Перемену в себе удалось ощутить не сразу, а по мере того, как я суежилась, приближаясь то тут, то там: в голове прояснилось. Будто бы кто-то влил в меня ведро сил: заложенный нос начал дышать, заторможенность, как туман, исчезла, я снова стала собой. С облегчением дыша полной грудью, я позволила себе по-детски радоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.